ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С Новым годом, товарищи!

На балу в Большом Кремлевском дворце.
Фото А. Бочинина.

На первой странице обложки: На катке стадиона «Динамо» в Ленинграде.
Фото Б. Уткина.

На последней странице обложки: Ю. Пименов. Снежок.

ОГОНЁК № 1 (1542)

1 ЯНВАРЯ 1957

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

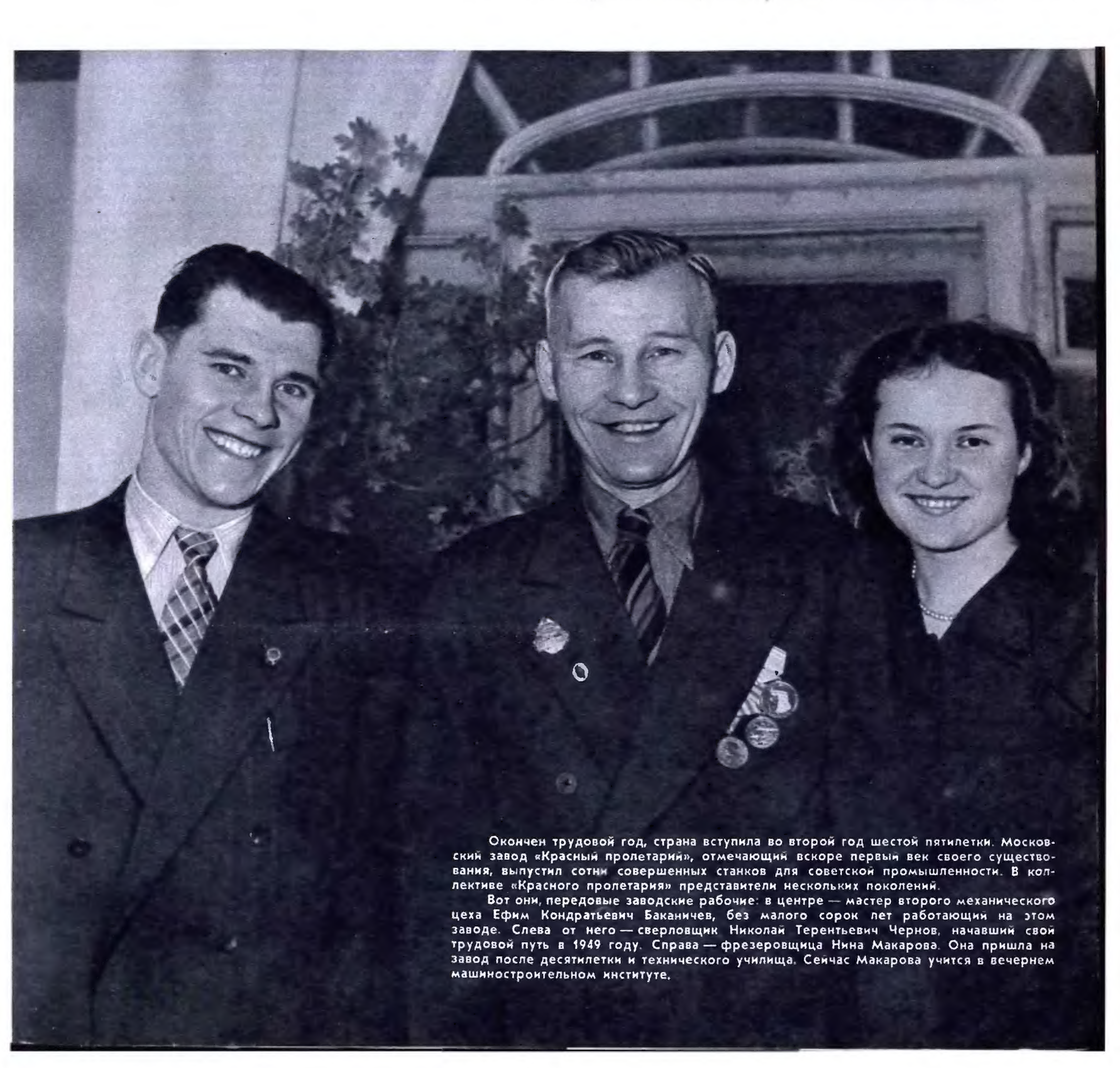
35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НЕУКЛОННО СЛЕДУЯ УЧЕНИЮ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА, СОВЕТСКИЙ НАРОД ПОД РУКОВОДСТВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РЕШИЛ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ, СВЯЗАННЫЕ С СОЗДАНИЕМ И РАЗВИТИЕМ МОГУЧЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. ТЕПЕРЬ У НАС ЕСТЬ ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ, ЧТОБЫ ПЕРЕЙТИ НА НОВУЮ, БОЛЕЕ ВЫСОКУЮ СТУПЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ, СООТВЕТСТВУЮЩУЮ СОВРЕМЕННОМУ ЭТАПУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

ПЛЕНУМ ЦК КПСС ВЫРАЖАЕТ УВЕРЕННОСТЬ, ЧТО РАБОЧИЙ КЛАСС, КОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО, СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЕЩЕ ШИРЕ РАЗВЕРНУТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ И ПЕРЕВЫПОЛНЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПЛАНОВ, ПРИЛОЖАТ ВСЕ СИЛЫ К ТОМУ, ЧТОБЫ С МАКСИМАЛЬНОЙ ПОЛНОТОЙ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РЕЗЕРВЫ КАЖДОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ, КАЖДОЙ СТРОЙКИ, ВСЕХ КОЛХОЗОВ, МТС И СОВХОЗОВ И НА ЭТОЙ ОСНОВЕ ДОБИТЬСЯ УСПЕШНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ XX СЪЕЗДА КПСС.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ДЕКАБРЬСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС

Окончен трудовой год, страна вступила во второй год шестой пятилетки. Московский завод «Красный пролетарий», отмечающий вскоре первый век своего существования, выпустил сотни совершенных станков для советской промышленности. В коллективе «Красного пролетария» представители нескольких поколений.

Вот они, передовые заводские рабочие: в центре — мастер второго механического цеха Ефим Кондратьевич Баканичев, без малого сорок лет работающий на этом заводе. Слева от него — сверловщик Николай Терентьевич Чернов, начавший свой трудовой путь в 1949 году. Справа — фрезеровщица Нина Макарова. Она пришла на завод после десятилетки и технического училища. Сейчас Макарова учится в вечернем машиностроительном институте.

Молодежь! Тебя ждут большие дела!

Герой Советского Союза

Е. К. ФЕДОРОВ,

член-корреспондент Академии наук СССР

Встречая Новый год и провозглашая тосты за новые успехи, все мы думаем также и о пройденном пути, вспоминаем о том, что прожито и сделано. И мне кажется, что новогодний праздник особенно радостным бывает у тех, кто хорошо потрудился и многое сделал. Глубокое внутреннее удовлетворение чувствует тот, кто каждым годом, каждым днем своей жизни стремился быть полезным народу, стране.

Радостен этот праздник и у тех, кто только вступает в жизнь и, готовясь принять эстафету из рук старших товарищей, ощущает избыток молодых сил, кто уверен, что с честью продолжит дело отцов. Я по-хорошему завидую тем, кто сейчас молод и чьи души полны молодого задора.

Мне вспоминается моя юность. Она началась в трудные двадцатые годы — годы преодоления разрухи. Мне и моим сверстникам приходилось самым серьезным образом думать о хлебе насущном. Но и в то трудное время страна делала все для своего молодого поколения, все, что могла, для его роста и развития. Правда, это были еще очень скромные возможности. Даже в 1928 году, когда я поступил в Ленинградский университет, нам часто приходилось заниматься в нетопленых помещениях, мы сами иной раз доставляли в университет дрова, а после учебы нередко уходили в порт разгружать корабли, чтоб заработать немного денег. Я уж не говорю о том, что учебные пособия, приборы, лаборатории, которыми мы располагали в то время, не идут ни в какое сравнение с тем, что имеют нынешние студенты.

И несмотря на все трудности, бытовые неудобства, а иной раз и лишения, мы серьезно относились к учению, успешно пробивались в науку. Вероятно, этому способствовало и то, что вместе с ребятами, пришедшими из школ, в вузах учились выпускники рабфаков, принимавшие активное участие в гражданской войне, в строительстве Советской власти.

Их настойчивость, их партийное отношение ко всем жизненным делам были хорошим примером для более молодых товарищей. Трудности закалили наше поколение. В то время мы не стремились остаться в Москве, Ленинграде — в больших городах, где учились. Наоборот, естественным и общим было желание поехать туда, где труднее, где интереснее: на первые новостройки, на окраины страны.

Сразу же после окончания университета я отправился в Арктику, а спустя некоторое время работал на полярной станции вместе с женой. Это был период первого широкого наступления советских людей на Север — тогда проводился Международный полярный год. Экспедиции впервые проходили Северный морской путь в одну навигацию, создавались научно-исследовательские полярные станции.

Мы, молодые специалисты, начинали с разгрузки кораблей и строительства бревенчатых домов и лишь потом переходили к точным приборам. Многому научила всех нас тогда жизнь: и упряжке собак, и стряпне, и умению помочь товарищу, попавшему в беду, и,— вероятно, это было самое главное — умению сохранить дружный коллектив.

Конечно, не всем можно, да и нужно ехать именно на север или в иные далекие места. Однако справедливо и то, что в любом деле успеха добивается только тот, кто не жалеет труда, будь то работа на заводе, в колхозе или учеба в институте. Везде и всюду молодой советский человек — рабочий, колхозник, учащийся — должен показать пример трудолюбия. Меня удивляет, когда я слышу, как иной юнец, когда ему поручают трудное дело, отказывается от него. А мы, я и мои сверстники, в свое время гордились, когда нам доверяли что-нибудь особенно трудное, казавшееся непреодолимым. В этом была своя романтика.

К лицу ли молодому человеку бояться трудностей! Тот, кто держится за маменькину юбку, кто с юных лет стремится к жизни обязательно со всеми удобствами, кто видит свою цель в том, как бы найти теплый и удобный уголок, который требовал бы поменьше знаний и труда, тот по-настоящему ничтожен и жалок и ничего полезного никогда не совершит. К сожалению, есть такие среди наших молодых людей, хоть их и мало.

Однако многие, может быть, слишком многие из нашей молодежи, в особенности студенческой, настолько привыкли к заботе со стороны государства и родителей, что не всегда понимают и ценят огромные возможности, открытые перед ними. Эти возможности не идут в сравнение не только с теми условиями, в которых жила трудящаяся молодежь в царской России, но и с теми, которые выпали на нашу долю в годы первой пятилетки. Нам, людям старшего поколения, особенно видно, какая благоприятная обстановка создана Советской властью для развития творческих сил каждого.

Конечно, не все высшие учебные заведения нашей страны так богаты, как, скажем, Московский университет, однако везде имеются условия, обеспечивающие полную возможность подготовки хороших специалистов.

Обидно видеть, как слабо иной раз используются эти возможности, обидно наблюдать, как порой молодежь не ценит эти возможности.

Мне кажется, что легкомысленное отношение к учебе у некоторых студентов есть следствие потери чувства ответственности перед народом, отсутствия жизненного и трудового опыта, проявление моральной неустойчивости. И с этим надо вести настойчивую борьбу.

Мне хочется обратиться к нашей молодежи и в первую очередь к студенчеству:

— Будьте достойны той заботы, которую проявляют о вас партия, правительство, советский народ! Все то, чем вы пользуетесь сейчас, наш народ завоевал и отстоял, как и самый строй нашей жизни, в упорной и жестокой борьбе. За это отдали свою жизнь сотни тысяч хороших советских людей. Пусть помнит об этом каждый из вас.

О чем думают сейчас молодые люди в капиталистических странах? О том, чтобы найти работу — вообще какую-нибудь работу. Для большинства образование недоступно, хотя бы по материальным соображениям.

А о чем думают наши советские молодые люди? Если о работе, то лишь о том, какую лучше выбрать, чтобы была по вкусу. Если о дальнейшем учении, то лишь о том, какая специальность, какая профессия интересней, по душе.

Нашей молодежи не приходится бороться за то, чтобы получить право на работу, место в жизни. К иной борьбе призвана она — к борьбе за процветание нашей социалистической Родины, за умножение ее успехов, укрепление ее могущества. Это трудная борьба, в которой многие из вас уже совершили замечательный подвиг — пробудили необозримые просторы целины, заложили первые камни новостроек на Севере и Востоке. Впереди не меньше славных дел на заводах, фабриках, в колхозах, в лабораториях.

Вы получаете в наследство от старшего поколения не только материальные ценности. Отцы и старшие братья передают вам и богатые, славные традиции, и прежде всего любовь к труду, которая возвышает человека и открывает перед ним большие творческие перспективы.

В нашем социалистическом государстве одинаково почетен и уважаем труд и рабочего, и колхозника, и ученого — любой труд, приносящий пользу народу.

Трудитесь же и учитесь в полную силу, не тратьте молодой энергии на пустое и легкомысленное! У вас впереди вся жизнь, жизнь, в которой можно совершить очень многое!

Поэтому, поздравляя вас с Новым годом, я от всей души желаю вам: пусть все силы ваши, жар ваших сердец будут отданы великим делам, в которых прославится Отчизна и вместе с нею ваши имена!

Рисунки Г. Храпака

В НОЧЬ НА 1918-Й

Рассказ Ильи Митрофановича ГОРДИЕНКО

И. М. Гордиенко — член партии с 1905 года. За активное участие в революционном движении он награжден орденом Трудового Красного Знамени. Алексей Максимович Горький, знавший Гордиенко, писал о нем: «...рабочий, старый большевик, один из тех большевиков, ленинцев, которые строили партию снизу, из подполья».

Илья Митрофанович не раз встречался с В. И. Лениным. Об этих встречах мы и попросили его рассказать.

Проводить старый 1917 и встретить новый 1918 год мне довелось в Петрограде, на Выборгской стороне, вместе с Владимиром Ильичем Лениным и Надеждой Константиновной Крупской.

Ильич хорошо знал этот район, часто бывал у нас и был знаком со многими выборжцами. В канун Октября он скрывался здесь. Наш район — его Совет, его Дума, заводы, а также расквартированные полки — находился почти целиком под большевистским влиянием, и сюда, за Литейный мост, не очень-то любили заглядывать ищейки Керенского, зная, что им тут не сдобровать. Ильич не раз говорил, что удивительно спокойно чувствует себя, попадая к нам в район.

Ну, а Надежду Константиновну мы считали просто своей, выборжской. Полгода — с апреля по самые октябрьские события — она работала в нашем районном Совете, ведала отделом народного образования и культпросветом. Меня, как депутата, назначили ее заместителем. Конечно, мне, литейщику по профессии, трудно было исполнять эту должность, имея к тому же за плечами лишь один класс церковно-приходской школы. Но я старался, тянулся, читал по ночам... Меня влекло больше к малышам, к дошкольникам. И я им тоже пришелся по душе. Особенно нравились пацанятам мои черные запорожские усы, за которые в свое время мне была дана подпольная кличка «Батько» и которые нынче, как видите, чуток поблекли... Я организовал первую в районе и, кажется, в Петрограде детскую площадку, руководил массовой ребячьей вылазкой — с духовым оркестром, с раздачей гостинцев — в парк Лесного института. Надежда Константиновна утверждала, что у меня имеются «определенные педагогические наклонности».

Но сразу после революции мне пришлось переключиться на финансовые дела. Я был выбран казначеем райсовета. В моем распоряжении оказались толстая кассовая тетрадь, огромный, до потолка, несгораемый шкаф и... ни копейки денег. В ту пору банки не были еще национализированы, и их служащие, подкупленные такими тузами, как Рябушинский, саботировали новую власть. Сидим без денег. Нечем платить милиционерам, пожарным, дворникам, сторожам... Иду на Невский к голове городской думы Михаилу Ивановичу Калинину. Застаю его в большой нетопленной комнате в пальтишке, в шапке-ушанке. Потирает озябшие руки. В ответ на мою просьбу выручить деньгами невесело улыбается: городская касса тоже пуста... Что же делать? Где раздобыть финансы? И вдруг они сваливаются, можно сказать, с неба, вернее, со стола того же Рябушинского. Наша районная чека проведала, что на квартире этого капиталиста раздают деньги саботирующим чиновникам. И хотя та квартира в другом, Центральном, районе, наши ребята налетели с облавой и забрали на несколько миллионов акций и 30 тысяч наличными, передав все это нам, в Совет. С акциями мы не знали, что делать, а деньги тут же употребили на выдачу людям жалованья.

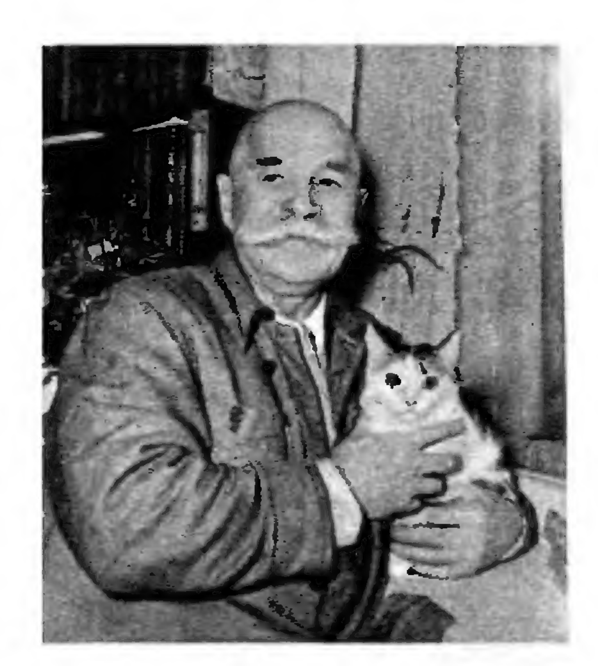
Не успели порадоваться, как звонят из Центрального района, из Совета. Казначей кричит в трубку: «Безобразие! Ваша чека забрала наши тридцать тысяч». «Как так ваши? Это ж деньги Рябушинского». «А где он живет? На чьей территории? На нашей. Значит, и тридцать тысяч наши!» Стараюсь успокоить товарища. «Пожалуйста,— говорю,— мы передадим вам акции». «А на кой они черт! — кричит.— Ими можно только... Нам нужны деньги, понимаете, деньги! Сидим без гроша». «Очень,— говорю,— сочувствуем. У самих было такое же положение». «Верните нам тридцать тысяч!» «А мы их уже роздали...» «Ах, так, будем жаловаться в Смольный!» — и, прибавив крепкое словцо, бросил трубку.

В тот же день вызывают меня в Смольный с объяснениями. Сталкиваюсь там с казначеем из Центрального района. Это лихой балтийский матрос с револьвером на ремне. Увидев меня, накинулся, замахал руками. «Вот,— думаю,— пальнет, и весь наш финансовый спор будет сразу разрешен...» Дежурный секретарь Юля Сергеева, хорошая моя знакомая по подполью, просит подождать немного: «Сейчас Владимир Ильич освободится». Ого, нас примет, оказывается, сам Ленин! Я его видел только раз — и то на большом расстоянии, когда он выступал с балкона особняка Кшесинской. А теперь мне придется держать перед ним ответ. И еще не известно, как он нас рассудит. Кто-то вышел от Ильича, и мы пошли в кабинет.

Ленин встретил нас стоя, поздоровался и, стоя же, прислонившись к столу, приготовился слушать. Я, как смог, сбивчиво, косноязычно, ужасно волнуясь, изложил суть дела. Матрос нервничал, порывался возражать, но, стесняясь Ильича, сдерживался. Только под самый конец не выдержал, крикнул: «Тридцать тысяч средь бела дня вырвали у нас!.. Да я бы за такое...» Ленин, чуть прищурясь, быстро взглянул на меня, потом на матроса, весело так взглянул, задорно, будто хотел сказать: «Вот и молодцы выборжцы, не растерялись...» Но не сказал. «Не волнуйтесь, товарищ,— обратился он к моряку,— сейчас разберемся,— и, повернувшись ко мне, спросил: — Есть у вас документы в оправдание произведенных расходов?» «А как же! — обрадовался я.— Вот они». И выложил на стол пачку измятых расписок от начальника милиции, брандмайора, домовых комитетов, кому мы передали деньги. Расписки без печатей, на клочках бумаги, но разве тогда было до печатей, до форменных бланков?..

Ленин внимательно просмотрел все эти документы и сказал: «Деньги вы употребили разумно...» Тут матрос поник головой, загрустил. «Но,— продолжал Ильич,— предупредите ваших товарищей из чека, чтобы они не самовольничали». Морячок сразу ожил: «Правильно, товарищ Ленин, правильно!» А я говорю: «Как же так, Владимир Ильич? Ведь это ж народные денежки, Рябушинским у народа награбленные». И, осмелев, добавил: «Вы сами писали про экспроприацию экспроприаторов». При этих моих словах Ленин нахмурился: «Я не Рябушинского защищаю. Я защищаю порядок, наш революционный порядок!.. А у вас, наверно, и протокола-то нет...» «Какого?» — не понял я. «Протокола о конфискации денег у Рябушинского и признании их народным достоянием. Составили?» «Нет, Владимир Ильич, не составляли». «Вот видите! А Рябушинский может на вас в суд подать. Как вы тогда оправдаетесь без протокола?» «Товарищ Ленин,— говорю,— это дело поправимое». «Каким образом?» «Можно эту бумажку и теперь написать...» Ильич смотрит на меня в упор и начинает вдруг громко, раскатисто хохотать. «Задним числом? Прекрасно! — говорит он, продолжая смеяться.— Казначей районного Совета толкает председателя Совета Народных Комиссаров на явную фальсификацию... Ну что поделаешь с этими выборжцами?.. Вывернутся из любого положения». Я тоже смеюсь, но морячку не до смеха. Он понимает, что денежки окончательно уплыли.

Оборачиваясь к матросу, Ленин говорит: «На днях, товарищ, мы примем декрет о национализации банков. И вы сможете разделаться со всеми вашими долгами». Прощаемся, уходим: я веселый, довольный, а балтиец грустный, понурый, растерявший всю свою воинственность...

И. М. Гордиенко.
Фото Р. Лихач.

Однако я отвлекся от рассказа о встрече Нового года.

Шли последние дни 1917-го, бурного, революционного, полного событий, «которые потрясли мир». Разве думали мы, что он будет таким, собравшись год назад тесным кружком в маленькой квартирке на Загородном, у Юли Сергеевой? Тут были друзья-подпольщики, любого из которых не прочь было бы заполучить в свои лапы жандармское управление. Подняли новогодний тост за свободу, за нашу партию, которая накапливала силы, за Ленина, находившегося в эмиграции, спели вполголоса «Марсельезу», договорились о выпуске листовки к годовщине «кровавого воскресенья» и разошлись...

Теперь наступал 1918-й. Каким он будет? Что принесет?

Районный Совет решил организовать встречу Нового года, на которую собирались пригласить актив: депутатов, членов заводских комитетов, красногвардейцев. Программу этого вечера поручили подготовить Косте Лебедеву, слесарю с «Айваза», председателю культкомиссии. Это был страстный поклонник искусств, особенно театрального. После того как революция раскрыла для рабочих двери Мариинского, Александринского, Михайловского театров, Костя все вечера пропадал на спектаклях. Я дружил с Костей, и он часто увлекал меня с собой. Во время представлений Костя вел себя бурно, ужасно переживал, вскакивал, хватал меня за плечи, тряс.

Как председатель культкомиссии Лебедев был просто незаменим. Актовый зал бывшего юнкерского Михайловского училища превратился его стараниями в фи-

Здание, в котором выборгские рабочие встречали новый, 1918 год.
Фото Б. Уткина.

лиал бывших императорских театров. На кустарной, наскоро сколоченной сцене выступали перед выборжцами выдающиеся трагики, знаменитые баритоны, прославленные прима-балерины. Артисты охотно приезжали в район, привлекаемые не только тем восторгом, с которым встречали их зрители, но и таким немаловажным в ту пору фактором, как паек... Приезжали на Выборгскую литераторы, лекторы. Душой всех этих концертов, выступлений была вместе с Костей и Мария Федоровна Андреева, жена Горького. Она являлась членом районной культкомиссии и очень помогала Лебедеву.

Итак, программа новогодней встречи была разработана Костей Лебедевым и доложена им на заседании президиума районного Совета. Почти все в этой программе вызвало одобрение. Утвердили место встречи: актовый зал Михайловского училища. Горячо приняли предложение послать пригласительные билеты Владимиру Ильичу, Надежде Константиновне, народным комиссарам. Дискуссия вспыхнула только по вопросу о танцах. Кое-кто был против включения их в программу. А Лебедев рьяно отстаивал интересы молодежи, которая явится на вечер и будет вдруг лишена возможности потанцевать. Большинство начало склоняться на его сторону. Но тут прозвучал веский довод: а если приедет Ленин... Как он посмотрит на всякие там краковяки и вальсы? «Очень даже хорошо посмотрит,— пробасил в поддержку Лебедева жестянщик Иван Чугурин, знавший Владимира Ильича по парижской эмиграции, слушавший его лекции в партийной школе в Лонжюмо.— Ильичу ничто человеческое не чуждо». Танцы были спасены. Но вот протащить елку в программу вечера Лебедеву не удалось: елка была категорически отметена как «явный буржуазный предрассудок».

Всю неделю перед Новым годом наш председатель культкомиссии бурлил и кипел. Он целыми днями носился по району, по всему городу. Заказывал в типографии билеты, а потом развозил их, договаривался с артистами, с духовым оркестром, добывал реквизит, командовал плотниками, которые расширяли сцену, приволок откуда-то дряхлейшего старичка-настройщика, дня три проколдовавшего над роялем, обхаживал всячески председателя продовольственной управы Николая Кучменко на предмет организации буфета с холодными закусками для артистов... И наконец с почестями — в автомобиле! — доставил некоего гениального художника-футуриста, который должен был оформить сцену. С этого момента уже никто из нас, членов культкомиссии, не мог зайти в актовый зал. «Вы будете мешать. Художнику необходима спокойная творческая обстановка!» — говорил нам Костя. Сам он изредка заглядывал на сцену и каждый раз возвращался восторженный, с таинственным блеском в глазах и восклицал: «Ох, и рисует, ох, и рисует!» В зал мы были допущены лишь 31 декабря, за час до начала торжества.

Мы вошли, увидели сцену и застыли на пороге, потеряв дар речи. Полотняный занавес был весь заляпан рыжей краской, словно по нему много раз провели мокрой грязной шваброй. Верх сцены украшала символическая картина, смысл которой так и не дошел до нас. Огромное малиновое и почему-то квадратное солнце — о том, что это — солнце, можно было догадаться только по лучам, расходившимся от него во все стороны,— а по бокам два немыслимых урода в синих комбинезонах, расположенные горизонтально, навзничь; лежа на спине, они упирались ногами в солнце... Лебедев победно оглядел нас, а мы молчали, понимая, что исправить эту мазню уже невозможно, и не желая злой критикой огорчать милого нашего Костю, павшего жертвой футуризма. Нам оставалось радоваться, что художнику не хватило времени и красок для того, чтобы размалевать еще и великолепные мраморные колонны и стены зала.

А зал уже наполняется. По широкой парадной лестнице, чьи ореховые перила натерты до сверкания, а ступени застланы дорогим бухарским ковром, неторопливо поднимаются новые хозяева Выборгской стороны. Они совсем неплохо чувствуют себя в этом старинном мрачноватом здании на берегу Невы, которое еще недавно было для них таким чужим и враждебным. Юнкерское училище в рабочем районе... В октябрьские дни не было боев за это здание. Юнкера в одну ночь снялись и покинули свой дом, побросав орудия, оставив коней ненакормленными. Теперь здесь районный Совет, народная власть...

Входят в актовый зал, предназначенный для торжественных смотров, металлисты со «Старого Лесснера», с «Нобеля», с «Айваза», с «Парвиайнена», ткачихи с Большой Сампсониевской мануфактуры. Многие пришли семьями — с детьми, с домочадцами. Идут красногвардейцы, но разве их узнаешь! Утром были в ватниках, с пулеметной лентой через плечо, с винтовкой. А сейчас иной вид: гладко отутюженный костюм-тройка, стоячий воротничок, галстук-бабочка, а у кого и усы нафабрены да подкручены... Пришли солдаты Московского полка, свои, верные ребята! Полк расквартирован между двумя заводами: «Эриксоном» и «Новым Лесснером», — и мятежный дух, всегда витавший над ними, витал и над Московским полком. Солдаты вместе с выборжцами бились за революционное дело и теперь хотят вместе встретить первый советский Новый год.

Становится тесновато. Уже не всем хватает стульев, приходится раздвигать их в задних рядах и класть доски. Приехали артисты, с ними Андреева. Можно начинать концертную часть программы, и Костя Лебедев, неведомо когда успевший переодеться и даже надушиться, дает сигнал к подъему занавеса... Идет «Сорочинская ярмарка» в концертном исполнении, без декораций, под рояль. Но содержание оперы, ее яркая, веселая музыка соответствуют настроению слушателей. Певцы в ударе, поют великолепно, и успех представления обеспечен. Костя доволен, сидит сияющий в первом ряду... Члены президиума райсовета по очереди, сменяя друг друга, выскальзывают на цыпочках из зала, чтобы спуститься вниз, в подъезд, и посмотреть, не приехал ли кто из Смольного. Но никого нет. А как хочется, чтобы Ильич навестил нас! Но мы знаем, что он страшно занят и вряд ли сможет урвать свободный часок. Единственная надежда на Крупскую. Она хоть и не работает теперь в районе, но душой наша, выборжская, и, может быть, думаем мы, ей удастся уговорить Ильича, оставив ненадолго дела, поехать на Выборгскую. Но вот уже скоро и двенадцать, а ни Ленина, ни Крупской нет. Значит, не приедут...

Тем временем согласно сценарию, разработанному Костей Лебедевым, в зале появляется «старый год» — традиционный дряхлый дед в зипуне, в мохнатой шапке и, конечно же, с толстой клюкой. Он с трудом, кряхтя и охая, влезает на сцену и обращается к собравшимся с прощальной речью. Он говорит, что был не так уж плох и его будет за что помянуть добрым словом в веках. Он очень жалеет, что так быстро состарился, и с удовольствием пожил бы еще. Но тут выпорхнула к рампе юная балериночка из Мариинки, наряженная Снегурочкой, и, объявив, что она и есть Новый год, попросила старика удалиться, потому что уже пора ему на покой: бьет двенадцать часов! Да, друзья, бьет двенадцать часов. Новый, 1918-й наступил!

Председатель Совета Александр Куклин поздравляет всех присутствующих с Новым годом.

Сцену занимает духовой оркестр, присланный Московским полком. Часть стульев выносят из зала, часть сдвигают к стенам, освобождая место для желающих танцевать. Несколько депутатов Совета, старые друзья по подполью, сговариваются поехать на квартиру одного из них — Дмитрия Павлова,— где накрыт скромный стол и ждет бутылочка вина. Нас с Костей решено оставить до начала танцев. «Поглядите, чтобы был порядок, и тоже приезжайте...» Вот полились звуки вальса, и первые пары закружились по блестящему паркету, отражающему свет люстр. Все больше и больше танцующих. Переглядываемся с Костей. Пора! Наши пальто в комнате за сценой, и, чтобы не пробираться одетыми через зал, спускаемся по боковой полутемной лестнице. Навстречу — мужчина и женщина в пальто, запорошенных снегом. Прислоняемся к перилам, чтобы дать им дорогу, и вдруг видим, что это Владимир Ильич с Надеждой Константиновной... «Здравствуйте, товарищи,— говорит Ильич.— С Новым годом! Извините, что запоздали. Дела! Да и не сразу разыскали вход». Я незаметно толкаю Костю в бок, и он, сразу смекнув, устремляется вверх, на сцену, чтобы предупредить оркестр. Владимир Ильич и Надежда Константиновна стряхивают снег с воротников, и мы входим в коридор. Здесь светло. Крупская шутливо грозит мне пальцем, и мне понятна эта «угроза».

Дело вот в чем. Незадолго до этого мы узнали, что Надежда Константиновна заболела. Решаем навестить ее. Едем втроем: секретарь райкома Женя Егорова, Иван Чугурин и я. Прихватили с собой масла, пол-литра молока, пачку печенья, лимон. Приезжаем, входим в комнату. Крупская лежит с обвязанной головой, тепло укутанная. На стуле возле кровати склянки с лекарствами. Владимир Ильич дома. Сидит за письменным столом, пишет. Увидел нас, поздоровался и еще ниже склонил голову над листом бумаги. Надежда Константиновна рада нашему приходу, но бранит за принесенные продукты: «Вот это уж ни к чему! Где вы все это раздобыли?..»

Переговариваемся шепотом, чтобы не мешать Ильичу. Но вот он встает, подходит к кровати, смотрит на Надежду Константиновну и говорит, обращаясь к нам: «Что мне с ней делать? Совершенно отбилась от рук. Не слушается, не подчиняется. Бегает по городу в пальто нараспашку, словно молоденькая курсистка... Так можно и воспаление легких схватить». Крупская смеется. «Не слушайте этого ворчуна. Сам хорош! Люди добрые в такой поздний час отдыхают. А он, сами видели, наработавшись целый день, строчит и строчит. И ночью будет сидеть...» «Ах, ты меня еще и критикуешь! — воскликнул Ильич. — Взгляните, товарищи, в чем она ходит. — И, стремительно нагнувшись, вытащил из-под кровати старенькие, вдрызг заношенные туфли, ткнул пальцем в подошву, палец провалился. — И в таких вот развалюшках топает в непогоду. Некогда починить, а о новых и слышать не хочет... Вот что! — сверкнул Ильич глазами. — Вхожу с вами, выборжцы, в заговор. Пока Наденька лежит, а полежит она у меня с неделю, я теперь за нее возьмусь, давайте починим ей ботинки! Есть у вас на Выборгской сапожники?» «Буржуев нет, а сапожники найдутся», — сказал Чугурин. «И отлично! Забирайте туфли. Вот вам деньги на починку».

Мы стали отказываться от денег, потом, говорим, рассчитаемся, но Ильич заставил взять...

Сапожники, конечно, нашлись, но починить обувь оказалось не так просто. Стельки сгнили, делать перетяжку — размер уменьшится на два номера. И мы купили новые туфли. А заодно и галоши. Но как передать покупку Надежде Константиновне? Разве она возьмет? А что, если принести сверток и сказать, что это починенные ботинки? Зная характер Крупской, мы были уверены, что она не станет развертывать пакет. Так и было. Мы снова навестили больную. На этот раз Ильича не было дома. Порадовались, что дело идет на поправку, и ушли, оставив сверток на кровати.

...Вот почему Надежда Константиновна погрозила мне сейчас пальцем. На ногах у нее были новые туфли и галоши.

В коридор, куда мы вошли, доносятся звуки вальса. Я смотрю на Ильича: не рассердит ли его эта легкомысленная музыка? Но он как будто с удовольствием вслушивается в нее... В зал мы можем пройти сейчас только через сцену. Ильич хочет быстро пересечь ее, чтобы спуститься в зал. Но звуки внезапно грянувшего «Интернационала» перехватывают его у самого края сцены. Он останавливается. Стоит в распахнутом пальто, на котором еще поблескивают снежинки, сняв шапку, и рядом с ним Надежда Константиновна, и они видны всем собравшимся в зале и замершим в торжественном молчании при звуках «Интернационала». Оркестр умолкает, и теперь все ждут, что скажет Ильич.

Ждут бойцы революции, закаленные в подполье, штурмовавшие Зимний, отбившие под Пулковом первый натиск врага.

Ждут красногвардейцы с «Парвиайнена», охранявшие в июльские дни квартиру, в которой жил Ленин. Особая сложность этой операции заключалась в том, чтобы не попасться Ильичу на глаза. Он терпеть не мог никакой охраны... И однажды они попались. Ленин уехал из дому рано утром и долго не возвращался. Сестра его, Мария Ильинична, знавшая об охране, позвала выборжцев, полдня простоявших на улице, попить чайку. И тут неожиданно нагрянул Ильич. Он сразу догадался, что это за гости распивают чаи, и сказал сестре с укоризной: «Маша, не отпирайся, ты с ними в заговоре, по глазам вижу...»

Ждет Алексей Шашлов, токарь, честнейшая, справедливейшая душа, член первого революционного народного суда, созданного на Выборгской стороне, на дверях которого висит плакат: «Здесь судят на основании пролетарской совести и пролетарского чутья именем революции». При разборе этим судом дел обвинители и защитники вербовались тут же, в ходе заседания, из присутствовавших в зале... Стоит Шашлов и не ведает, что через несколько дней подлая пуля в спину сразит его у входа в Совет.

И 14-летний Андрейка Белый тоже ждет, что скажет товарищ Ленин. Андрейка был первым подсудимым революционного народного суда. Попался он на какой-то мелкой краже, и доставили его в суд прямо с места преступления. Оказалось, что нет у Андрейки ни отца, ни матери, и приговором ему было: отдать на поруки районному Совету. Андрейку взяли в Совет рассыльным. Он и жил тут же, в одной из комнат. Все мы любили быстроногого и сметливого паренька. Даже скупой казначей (фамилия его была Гордиенко) не пожалел средств на пошив Андрейке одежды. И сейчас Андрейка стоит в новеньком, с иголочки костюме и тоже не ведает своей судьбы: он уйдет на колчаковский фронт и прославится там в боях...

Притихли в ожидании ильичевых слов и говорливые подружки-гимназисточки в одинаковых синих платьях и белых передниках, с одинаковыми розовыми лентами, вплетенными в косы, и сами такие кукольно-одинаковые, что их просто невозможно отличить одну от другой. Как они сюда попали? По какому праву? По праву, полученному в боях, да, в боях на Пулковских высотах, где эти девочки были храбрыми сестрами милосердия.

Все ждут...

Ильич смотрит на часы и говорит:

— Товарищи! Вот уже полчаса, как мы живем в новом году. Наверно, это будет очень трудный и очень суровый год. Мы можем это предвидеть по бешеным нападкам на нас со стороны контрреволюции, как внутренней, так и международной. Но мы твердо убеждены, что ни господам Рябушинским, собирающимся задушить нас саботажем и голодом, ни господам Калединым, готовящимся подавить молодую Советскую республику силой оружия, не удастся осуществить эту их «священную» миссию. Будущее за нами! Порукой тому великая, неиссякаемая сила, какую представляет собой русский пролетариат и прежде всего питерский пролетариат. А в этом славном отряде вы, рабочие Выборгской стороны, всегда шли авангардной колонной. Вы были в первых рядах, борясь за победу Октябрьской революции. Я надеюсь, что вы будете в первых же рядах и защищая ее завоевания... Да здравствуют выборжские пролетарии!

И снова грянул «Интернационал».

...Так встретили мы новый, 1918 год.

Как и предвидел Ильич, он, этот год, оказался очень трудным для нашей страны. В первый же его день, 1 января, автомобиль, в котором ехал Ленин, был обстрелян из-за угла.

Тяжкие испытания принес нам 1918-й. Ленин часто вспоминал в трудные минуты питерских своих друзей. Летом наш выборжец Василий Каюров, возвращаясь из Симбирской губернии, побывал в Москве у Ленина и привез нам от него письмо. Ильич призывал организовать поход пролетариев в деревню «на Урал, на Волгу, на Юг, где много хлеба..., где **должно** помочь организации бедноты, где **необходим** питерский рабочий, как организатор, руководитель, вождь».

Мы сформировали продотряд и отправились на Волгу. В Москве, в гостинице, нас навестил Владимир Ильич и напутствовал.

Наш отряд попал в кулацкие села. Горько нам пришлось...

И вот мы снова в Москве. Нас встречает Яков Михайлович Свердлов. А ночью в комнате, где я спал, раздается телефонный звонок. Спросонок не сразу узнаю голос. «О, Надежда Константиновна!» Справляется о моем самочувствии и передает трубку Ильичу. «Здравствуйте, товарищ Гордиенко! Ну как, крепко вас потрепали?» «Немного досталось, Владимир Ильич...» «Слышал, слышал... Надо браться за кулака! Надо показать ему нашу силу... В Питер собираетесь?» «Нет, товарищ Ленин. Друзья мои на фронте, и я хочу...» «Надо бы вам недельки две отдохнуть. Яков Михайлович говорит, что у вас вид неважный». «Это он меня до бани видел. А сейчас я молодец молодцом. Так что разрешите на фронт, Владимир Ильич». «Ну что ж, если вы так настаиваете, не возражаю... Вам, видимо, мандат нужен?» «Неплохо бы, товарищ Ленин». «Через часок подошлю. Счастливого вам пути». «И вам счастливо, Владимир Ильич».

Не прошло и часа, как под окном затарахтел мотоцикл. В комнату постучали. Вошел посыльный из Кремля. Он вручил мне мандат, подписанный Лениным.

С этим ленинским мандатом я и уехал на фронт.

Литературная запись **А. СТАРКОВА.**

Ленинград. Выборгская сторона. Историческая площадь перед Финляндским вокзалом.

Бронзовый памятник Ленину стоит рядом с тем домом, где 39 лет назад живой Владимир Ильич, встречая вместе с выборжцами новый, 1918 год, сказал:

— Будущее за нами!

Будущее, о котором говорил Владимир Ильич Ленин, стало нашим прекрасным сегодня.

Преобразилась страна, преобразился каждый ее уголок, преобразилась и Выборгская сторона, район славных революционных традиций, который можно теперь назвать и районом технического прогресса.

Выборжцы всегда среди зачинателей всего передового, прогрессивного в нашей промышленности. Турбины Металлического, станки и текстильные машины заводов имени Свердлова и имени Карла Маркса, прокат «Красного выборжца», телефонные аппараты «Красной зари» славятся на всю страну и за ее пределами.

Твердо, размашисто шагает трудовая, пролетарская Выборгская сторона. Громко, призывно звучит ее голос:

— Будущее за нами!

Порт-Саид в декабре

Николай ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

По улице Абади в Порт-Саиде шел пожилой человек. С трудом пробираясь через каменные завалы, он нес в руках маленькую елочку, сделанную из проволоки и крашеной бумаги. Елка была мало похожа на гордую красавицу северных лесов, но выделялась ярким пятнышком на унылом фоне пепелища. Едва я приблизился, прохожий автоматически спрятал свою елочку за пазуху и метнул на меня тот недобрый взгляд, в котором трудно определить, чего больше — ненависти или страха. Его реакция при виде европейца была понятна: он пережил оккупацию. Я сказал по-арабски:

— Сахафи руси (русский журналист).

Человек широко открыл глаза, взмахнул руками и кинулся мне на шею. Он произнес при этом какие-то слова, буквального значения которых я не понял, но радостный и дружественный смысл их был ясен по выразительной интонации. Затем он скрылся в развалинах большого дома и вскоре вернулся, держа на плече ребенка лет четырех. Мужчину звали Яхия Эль-Рашид. Он копт — египетский христианин. Поэтому и купил эту крошечную бумажную елочку к рождеству. Он рассказал свою скорбную историю, подобную сотням и тысячам других в Порт-Саиде. Эль-Рашид служил в гавани и состоял в отряде самообороны. 2 ноября, придя с дежурства, он увидел на месте своего дома руины. Из девяти человек семьи в живых остались сын и внук. Пулеметная очередь из английского танка сразила и сына. Это произошло совсем недавно — 16 декабря. В тот день англичане убили в Порт-Саиде 23 и ранили 60 египтян. Вместе с внуком Эль-Рашид ютится теперь в развалинах.

Мы стояли среди развалин прекрасного города, ранее жившего кипучей жизнью. На высоте третьего этажа расколотого пополам дома болталась обгоревшая детская кроватка. Она зацепилась за водопроводную трубу и, раскачиваясь на ветру, скорбно звякала металлом.

— Вот какие подарки принес нам английский Санта-Клаус! — сказал Эль-Рашид...

Долгое время интервенты упорно отказывались пропустить в Порт-Саид представителей международной печати, боясь показать свои варварские злодеяния. Только 19 декабря журналисты добились разрешения на поездку в этот город.

...За Эль-Кантарой — передовые посты египетских войск. Затем небольшая полоса «ничьей земли» и шлагбаум на дороге. Возле него военные в малиновых беретах с пестрыми султанами. Это индийские десантники. Капитан Тамбу — наш старый знакомый. Он справляется о новостях. Дело в том, что солдаты сил ООН должны быть «нейтральными». Поэтому им не дают ни газет, ни журналов. Они скучают и развлекаются рыбной ловлей в Суэцком канале.

Наконец показался многострадальный город. В гавани еще стоят транспортные и десантные суда интервентов. В небе барражируют самолеты. Мост через протоку, соединяющую озеро Манзала и Суэцкий канал, разведен. Стоят два офицера — англичанин, француз — и несколько солдат. Хотя здесь уже зона сил ООН, оккупанты все же контролируют вход в город. Довольно долго ждем. Наконец составлены списки, проверены документы, наведен мост. Предводительствуемая «джипом» с голубым флагом ООН, вереница машин въезжает в город.

О том, что мы увидели в городе, рассказывают фотографии.

Яхия Эль-Рашид с внуком.

Порт-Саид был разделен на две части высокими многорядными проволочными заграждениями. По одну сторону английские солдаты, машины; по другую — территория, очищенная от оккупантов. Командующий силами ООН в Порт-Саиде датский полковник Карл Энгхолм предупредил всех журналистов: «Не приближайтесь к английским заграждениям! Англичане стреляют без предупреждения».

Оккупанты еще занимали широкую полосу вдоль берегов Суэцкого канала и моря. Среди кабин знаменитого порт-саидского пляжа стояли британские танки.

В освобожденной части города то и дело возникали стихийные митинги. Эта толпа на улице Доманхур долго скандировала лозунги: «Да здравствует Египет! Да здравствует Насер! Долой колонизаторов!» На перекрестке повешено чучело оккупанта.

Посмотрите на эти руки... На каждой из них оккупанты поставили клеймо черной несмываемой краской. Эта печать на теле означала, что человек — житель оккупированного Порт-Саида. Для колонизаторов он был лишь порядковым номером.

Картину мрачных, жестоких и бессмысленных разрушений представляет собой Порт-Саид после варварской агрессии империалистов.

Этот район Порт-Саида называется Эль-Манах. Здесь до интервенции жило 30 тысяч человек. Он подвергся усиленной бомбардировке с военных кораблей. Так он выглядит теперь.

Дети Эль-Манаха, лишившиеся крова и матери.

На углу улиц Аббас и Шериф я встретил старого человека в феске. Он хотел что-то рассказать, но не мог, только слезы катились по его морщинистым щекам. Его сосед Абдель Басет рассказал за него. Мустафа Хасан жил в этом большом доме. Бомбардировка застала его в соседней мастерской. Прибежав домой, он с ужасом увидел свой дом в огне. В квартире на третьем этаже заживо сгорели его жена и семеро детей. Вот все, что осталось от его очага

— Здесь был мой дом,— говорит грузчик порта Авад Габр Мохаммед.— Он разрушен огнем вражеских кораблей. Жена и шестеро детей погибли. Им некуда было спрятаться в этом бедном районе.

— Это был большой четырехэтажный дом,— говорит студент Госпи Шахин.— Теперь здесь развалины. Большинство жителей, в том числе и мой дедушка, погибли.

Год, который ушел в прошлое, принес Порт-Саиду неслыханные страдания. Но жители города увенчали себя славой доблестных борцов против колониального рабства. Теперь начинается новый год возрождения славного египетского города. Еще когда оккупанты топтали славную землю Порт-Саида, в Каире сели за чертежные доски архитекторы. Они составили генеральный план восстановления Порт-Саида. Директор бюро планирования архитектор Луиз Аттала рассказал:

— Очень быстро, через четыре месяца, мы построим в Порт-Саиде первые дома для сорока тысяч человек. Прежде других получат жилища те, у кого все разрушено. Это жители Эль-Манаха. Здесь все будет построено заново.

На этом снимке вы видите архитектора Луиза Аттала (слева) у макета будущего Порт-Саида.

Приветствия из Китая

Встречая тысяча девятьсот пятьдесят седьмой год, я надеюсь на смягчение международной обстановки! Я верю, что силы мира крепнут изо дня в день, так как стремления народов всех стран к миру решительны, как никогда.

Только ничтожная кучка реакционных правителей-агрессоров пытается уничтожить мир, восстановить колониализм. Но они встречают отпор справедливости. Происки их обречены на провал.

Народы всего мира должны быть еще более активными, еще теснее сплотиться, чтобы образовать стальную силу и пресечь безумные намерения агрессоров.

Как и весь китайский народ, я желаю народам всего мира здоровья, счастья и процветания.

СУН ЦИН-ЛИН

Пекин.

Пламенный привет читателям советского журнала «Огонек». Поздравляю вас с Новым годом!

向苏联星火新读者
致热烈敬礼.
祝贺新年!

ЦИ БАЙ-ШИ,
председатель Союза китайских художников.

БУДНИ БУДАПЕШТА

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Первое, что я сегодня с утра услышал под окном, были ребячьи голоса.

— Давай скорей кирпичи! Тащи щепки!

Дети всегда играют в то, что видят. Они играли в детский сад, который строили тут же, во дворе. Истосковавшись по своему «клубу», в который привыкли ходить каждое утро, ребята возводили его из запасов мусора и... фантазии. Здание настоящего детского сада еще не восстановлено, но дети знают: ждать им недолго, потому что в Будапеште уже нет ни одного поврежденного дома, где не шли бы ремонтные работы.

Вот и сейчас мимо маленьких строителей «детского сада» проходят рабочие в перепачканных штукатуркой комбинезонах — в Будапеште двенадцать тысяч рабочих трудятся над восстановлением жилых домов. А их собратья по классу увеличивают добычу угля, нефти, а это, в свою очередь, дает рост электроэнергии.

Шесть недель бездействия промышленности нанесли ущерб, который, конечно, не возместишь шестью неделями самой напряженной работы. Это понимает партия, это знает каждый трудящийся. Люди делают все, чтобы не было инфляции. Трудности при этом состоят не только в недостатке энергии, топлива, материалов. Много препятствий еще искусственно создает затаившаяся реакция.

У входа в кафе и рестораны, у магазинов нередко встретишь «доброжелателя», который нет-нет да шепнет, наклонившись к соседу:

— Вы слышали? Говорят...

И пошло! Поползли слухи и сплетни.

— Доброе утро! — говорит пожилой мужчина, входя в ювелирный магазин.

— Доброе утро, Ласло! — отвечает продавщица.

— Мне пять портсигаров! Самых дорогих!

— Вы же не курите... Ах, это рождественские подарки?

— Какие, к черту, подарки! Вы слышали...

Ходят еще по городу эдакие «деды Морозы» и рассказывают сказки. Число их слушателей, правда, уменьшается с каждым днем. И сколько бы ни старались паникеры, магазины торгуют и их прилавки заполняются все новыми и новыми товарами.

...В синей шинели, белых нарукавниках стоит на перекрестке регулировщица. Что только не увидит она за день дежурства! Вот промчался мотоцикл. В коляске пушистая зеленая елка. У магазина напротив продавщица раскладывает на витрине яблоки. А у витрины другого магазина застыли дети: хороши тут игрушки! Рядом разгружается машина с песком, рабочие замешивают раствор бетона.

А это что такое? Регулировщица с улыбкой останавливает движение, давая возможность пройти человеку с контрабасом в руках. Идет ли он на репетицию или с репетиции, сказать трудно. Быть может, он играет в оркестре радиокомитета, который возобновил свою деятельность, а может быть, в оперетте или варьете. Сейчас много в Будапеште театров — трудно угадать. Но ясно одно — жизнь города входит в нормальную колею...

Трудно сказать, на репетицию или с репетиции идет этот музыкант...

До тысячи человек посещают ежедневно бассейн «Сабадшаг».

У витрины магазина игрушек.

На улицах появились чистильщики ботинок.

Ю. И. Пименов. С НОВЫМ ГОДОМ!

ЗАСТОЛЬЕ

Василий ЖУРАВЛЕВ

Пропахшие резиною да кожей,
они столпились в тесноте прихожей —
еще в снегу, еще в кусочках льда.
Калоши, полуботики и боты,
как в табунке, не ведая заботы,
носами повернулись кто куда.

Пальто, жакеты, шубы и шинели
еще сверкают блестками метели,
как воздуха морозного поток.
Снежинки тают на ушанке белой,
и на плечах дохи заиндевелой
заиндевелый нежится платок.

Погоны блещут нитью золотою
под светлою фуражкой со звездою...
И тот, кому принадлежит она,
расправив плечи дюжие, как крылья,
вздымает над застольем изобилья
веселье новогоднего вина.

Одна семья — большая, трудовая,
одна мечта — лучистая, живая —
гостеприимный озаряет дом...
Когда и тесный круг не очень тесен,
с героями моих заздравных песен
мне хорошо за праздничным столом!

Здесь отразились быт, уклад, эпоха...
Друзья, мы поработали неплохо!
И этот свет, струящийся во тьму,
и этих платьев пышущее лето,
и, наконец, семейный стол вот этот —
не малое свидетельство тому.

Ю. И. Пименов.

НОВАЯ МОСКВА. 1937 г.

Государственная Третьяковская галерея.

МАЛЬВЫ

Рассказ

Виктор ЛОГИНОВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Комбайны уже стояли в степи.

На чистенькие, в солнечном глянце машины, выкрашенные в голубой, синий и коричневый цвета, любо было взглянуть. Только через пять, десять дней, продираясь сквозь сухие заросли пшеницы, комбайны лишатся своего щегольского вида, а пока что они напоминают образцовые экспонаты районной сельскохозяйственной выставки. Хозяева их, обласканные станичными девчатами комбайнеры, тоже до поры, до времени походят на экскурсантов. Они носят неуклюже завязанные галстуки, хвастаются друг перед другом рубашками из шелкового трикотажа, от них несет одеколоном. И лишь самый старый среди них, Илья Гаврилыч, ходит небритый и нечесаный, как в разгар лета. На ночь он не уезжает в станицу, а спит под комбайном, завернувшись в мохнатую казацкую бурку. Днем Илья Гаврилыч до самого вечера увлеченно мастерит какие-то решета, пружины, крючки и прилаживает их то тут, то там у своей машины. Еду ему носит угреватая и длинноносая Настенька, дочь и помощница. Когда она появляется около комбайна, рябое, в глубоких оспинах лицо Ильи Гаврилыча вспыхивает светлой улыбкой.

Молодые комбайнеры, уверенные, что машины их еще с зимы готовы к уборке, снисходительно перемигивались и говорили:

— Мудрит старик!

Но перемигивались они в компании, а когда оставались наедине, какая-то неведомая сила, как магнитом, тянула их к Илье Гаврилычу. Они втихомолку садились около старого комбайнера на корточки и молча смотрели, как он мастерит нехитрые конструкции. В тот же день, таясь друг от дружки, они мастерили то же самое.

Как-то утром к комбайну Ильи Гаврилыча подкатил на мотоцикле полеводческий бригадир Потылица.

— Гаврилыч,— сказал он, вытирая рукавом рубахи плешь,— школяров привезли. Валяй выбери себе двух хлопцев, а то наши ловкачи,— он кивнул в сторону соседнего комбайна,— самых справных растаскают.

Потылица был багров, тучен и узкоплеч. Когда он ехал, широченная рубаха его вздувалась на спине пузырем, а подол ее хлопал, как парус.

— Добре! — не взглянув на Потылицу, отозвался Илья Гаврилыч.— Подвези-ка меня, бригадир, до табора.

Мальчишки, привезенные из станицы, хозяйничали в бригаде, как на школьном дворе: одни сновали вокруг крытого механизированного тока, другие облепили старый, не привлекающий внимания взрослых триер. И только один из них, рыжий, как подсолнух, Евка Мотузок, обрывал вишни в саду. Услыхав угрожающую стрельбу мотоцикла, он шмыгнул в кусты и через минуту, как ни в чем не бывало, появился из-за угла бригадной конторы.

— Эй, хлопченя, ко мне! — гаркнул Потылица, взойдя на крыльцо конторы. Подол его рубахи доходил до голенищ брезентовых сапог.— Валяй-ка поближе, Гаврилыч!

Школьники сбежались, как на звонок, и обступили крыльцо. Спереди выстроились рослые, бравые хлопцы. Сзади теснились те, кто был помоложе и пощуплее. Евка Мотузок стоял в середине толпы. Он не любил вылезать вперед, предпочитая действовать из-за чьей-нибудь спины. Сейчас он насмешливо глядел на Потылицу и поплевывал вишневыми косточками.

В станице не было человека, который не знал бы этого угрюмого сорванца. Мать Мотузка — набожная старуха, каждый год предсказывающая страшный суд,— назвала своего единственного сына Евстигнеем. И, словно в отместку за это благообразное имя, Евка вырос бесшабашным озорником, рыжим, как сатана. Огненные Евкины вихры были видны за версту. Лоб, щеки, подбородок и даже губы Мотузка были испещрены крупными, цвета рыжего сапожного крема звездами; на руки будто кто-то насажал множество коричневых клякс. Люди говорили: «Если уж у святоши уродился такой байстрюк, значит, бога действительно нет!».

Потылица между тем положил руку на плечо Ильи Гаврилыча и спросил школьников:

— Знаете, кто это?

— Зна-а-аем!

— Без крику! Это *знатный мастер* уборки Герой Социалистического Труда Илья Гаврилович Бондарь! Ясно? — Потылица кивнул комбайнеру: — Выбирай, Гаврилыч, которые по вкусу.

— А зачем их мне выбирать? — пожал плечами Илья Гаврилыч.— Хлопчики все, я вижу, справные, бедовые. Бери любого — не ошибешься.

Он давненько уже приметил невысокого тщедушного подростка в тюбетейке и мешковатом пиджаке с отвисшими плечами. На худеньком, остреньком личике паренька горели яркие глаза, глядевшие на комбайнера с восторженным обожанием.

— Возьму я, бригадир, вон того... Как тебя звать, хлопец? — спросил Илья Гаврилыч подростка.

— Сережка Морошкин! — хором ответили школьники.

Сережка густо покраснел.

— Возьму я в свой агрегат Сергея Морошкина. Ну и... ну и Мотузка дай мне, бригадир.

Евка попятился и спрятался за чью-то спину.

Потылица вытаращил на комбайнера глаза.

— Не шутишь, Гаврилыч?

— Зачем шутить? Вы как, согласны, ребята?

— Согласен! — звонко выкрикнул Сережка, и тотчас же толпа рослых хлопцев неохотно расступилась и пропустила счастливчика вперед.

— А ты, Евстигней?

— А что? — буркнул Евка.— Все равно, где работать...

— Р-разойдись! — гаркнул Потылица.

Школьники брызнули врассыпную. Около крыльца остались Сережка да Евка.

Илья Гаврилыч подошел к ним.

— Айда к агрегату, хлопцы!

Долговязый и сутулый, в штанах, которые были коротки ему, он шел впереди, заложив руки за спину. За ним бодро шагал Сережка. Сзади тащился Евка, выплевывая вишневые косточки.

— Учти, Евстигней, в сад ты больше не полезешь,— не оборачиваясь, сказал Илья Гаврилыч.

Евка выплюнул вишню и поморщился, словно она была горькая.

Комбайн Ильи Гаврилыча стоял около густой, пышной лесополосы, в ста шагах от стана тракторной бригады.

— Вот это мои владения, хлопчики,— сообщил Илья Гаврилыч, с любовью погладив железное колесо комбайна.— Комбайн «С-6», 1950 года рождения. Машина старая, но добрая еще, вполне надежная. Работать мы с вами начнем денька через три. А пока полазьте по машине, пощупайте, понюхайте, посображайте, что к чему. Только ничего не ломать. За нарушение штраф! — Илья Гаврилыч весело подмигнул сначала Сереже, а потом Евке.

Хлопцев не нужно было упрашивать. Евка взобрался на мостик. Сережка сразу же полез под комбайн.

Через час Илья Гаврилыч поднял глаза и увидел, что Евка лежит на бункере и равнодушно смотрит по сторонам.

— Изучил уже? — удивился Илья Гаврилыч.

— А чего интересного? Косить — другое дело!..

— Экий ты несуразный, Евстигней! — покачал головой Илья Гаврилыч.— Слазь сюда!

Евка неохотно слез.

— На кого ты похож? — Комбайнер вытащил из кармана трешницу и протянул Евке.— На, срежь свои вихры к дьяволу, они тебе мешают!

Недоверчиво взяв бумажку, Евка стал разглаживать ее на ладони.

— Спрячь в карман.

— Срежу! — решительно произнес Евка и сжал трешницу в кулаке.

На другой день он явился часов в двенадцать. Голова у него была полосатая, как шкура зебры: чья-то неумелая рука остригла Евкины кудри, а на затылке, для смеха, должно быть, оставила малюсенький хохолок. Евкино лицо казалось смирным и растерянным, словно Мотузок понял, что без своих роскошных волос, как Черномор без бороды, он уже никому не страшен.

— Все! — сказал Евка, проведя ладонью по макушке.— Лишился!

Илья Гаврилыч минуту смотрел на него, а потом молча взял за руку и повел в сторону полеводческого табора.

— Куда-а? — заныл Евка.— У меня ее хлопцы вытянули!

— Не бреши!

— Чесслово! Я с вами хочу работать!..

— Сдался ты мне!

Евка понял, что его песенка спета, и замолчал.

Потылица встретил их изумленным возгласом:

— Тю! Мотузок, что ли? Мотузо-ок! Отличился? Что у тебя на голове, косили, что ли?

— Дай мне свою машину на пару часов, бригадир!

— Я тебе говорил... Заводи, а я его подержу.

Евка с ненавистью поглядел на Потылицу и угрюмо заявил:

— Все одно убегу!

— Я т-тебе убегу! — выдавил сквозь зубы Потылица, безжалостно заламывая парнишке руки.

Сопротивляться было бесполезно. Евка глядел на мир тоскливыми, скорбными глазами.

В степи, когда Илья Гаврилыч объезжал на дороге лужу, Евка вдруг соскочил с мотоцикла и пустился наутек. Илья Гаврилыч саженными прыжками настиг его и с хриплым смешком приподнял и снова поставил на землю.

— Дурак! Я тебя в парикмахерскую везу!

Станичный парикмахер, зловеще пощелкивая машинкой, выстриг на Евкиной голове все огрехи, взмахнул салфеткой и мрачно подвел итог своей работы:

— Как бабья коленка!

На крыльце парикмахерской Илья Гаврилыч повертел Евкину голову в своей пятерне, сказал:

— А говорили, ты рыжий! Да какой же ты рыжий? Самый обыкновенный! Ну, поехали. Побаловались, порезвились — работа ждет.

Евка повеселел.

— Я думал, вы меня в милицию, дядя Илья! За что же, думаю? — Он помолчал и добавил тише: — А трешницу вашу я на мороженое проел... Я вам отдам ее... когда заработаю.

— Не обедняю я, Евстигней, на трешницу. Одно меня обижает: не пришел ты к восьми, как я наказал.

— Завтра приду! Чесслово!

Когда старый комбайнер и Евка вернулись, Сережка, сияя своими большими глазами, доложил:

— А я смазку сменил, Илья Гаврилович!

— Молодец! — похвалил его комбайнер.

Евка из-за спины Ильи Гаврилыча показал Сережке кулак.

Обойдя вокруг комбайна и пощупав два — три узла, Илья Гаврилыч сказал:

— Добре, добре! Ну-ка, сидайте в кружок, хлопцы, разговор есть.

Школьники присели в траву, насторожились. Илья Гаврилыч приласкал Сережку теплым взглядом.

— Тебе сколько лет, Сергей?

— В десятый перешел, Илья Гаврилович. На тот год работать пойду.

— Н-нда, ростом не вышел ты. Ну, да не велика беда! А ты, Евстигней? Шестой закончил?

— Да.

— А сколько годов по второму разу сидел? Два?

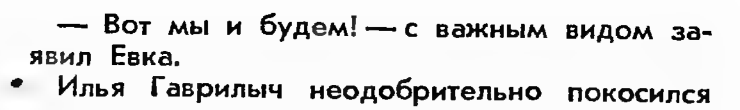
— Один. И больше не буду.

— Сидеть?

— Учиться.

— Правильно. Тебе и не надо. Лишние годы в школе сидеть — матери обуза. Книжная наука не лезет в тебя. Это бывает. Не всем инженерами быть. Кто хлеб добывать будет?

— Вот мы и будем! — с важным видом заявил Евка.

Илья Гаврилыч неодобрительно покосился на него.

— Ну, это еще посмотреть надо.— Он помолчал и, обращаясь к Сережке, продолжал:

— Я вот куда разговор клоню. Моя Настенька последний год со мной работает. Учиться поедет. Заслужила! А если она уйдет, помощник мне нужен будет? Нужен. Вы хлопцы грамотные, прилежные.— Илья Гаврилыч посмотрел на Евку.— Помощника я из вас готовить буду. Намотали на ус? Слово мое твердое, запомните.

— Два помощника? — поинтересовался Евка.

Сережка усмехнулся.

— Один. Лучший. Так, Илья Гаврилович?

Илья Гаврилыч взглянул на Евку еще раз и подтвердил:

— Выходит, так.

Евка долго молчал, бросая на Сережку угрюмые взгляды. Наконец, выбрав удобный момент, он схватил соперника за руку и зашипел:

— В помощники надеешься вылезть? Вылезешь у меня! По морде раза два получишь — вылезешь!..

Обязанности Евки и Сережки на первых порах были несложны, но многочисленны: они должны были по очереди менять смазку трущихся частей, на ходу нагружать из бункера зерно в автомашину (это называлось «стоять на рукаве»), следить за механизмом, подгребающим потерянные колосья, выполнять все поручения комбайнера, его помощника, трактористов. Парни, работающие на самокопнителе, сразу же окрестили Сережку и Евку «смазчиками». Сережка принял эту кличку восторженно, с гордостью. Евка отнесся к ней равнодушно. Он жил по принципу: хоть горшком назови, только в печку не ставь.

Однажды утром гусеничный трактор подтащил комбайн на край ячменного поля, и Илья Гаврилыч сделал пробный, на черепашьей скорости, круг.

— Ну как, Настенька? — спросил он свою помощницу.

— Давай, батя!

Илья Гаврилыч окинул взглядом Сережку, Евку и торжественно произнес:

— Ну, хлопцы, вступаем!

И, кажется, только один Евка не уловил торжественности в этом многозначительном слове «вступаем». Он сидел на бункере, из которого поднимался хмельной запах свежего ячменя, и, презрительно глядя на сутулую, по-старушечьи закутанную платком Настеньку, думал: «А я, скажешь, не сумел бы, как она, крутить? Я тоже сумел бы! Никакого фокуса нет: сюда-туда, сюда-туда — крути и крути...»

До самого вечера он сидел на бункере и с важностью посматривал на трактористов, на копнильщиков, на Сережку, который следил за граблями: он был выше всех и чувствовал себя самостоятельным человеком. Ему казалось: отойди он от бункера — и комбайн остановится, уборка сорвется, примчится, угрожающе стреляя из выхлопной трубы, бригадир Потылица и станет ругать Илью Гаврилыча, Настеньку, трактористов, Сережку, станет просить его, Евку Мотузка, занять свой ответственный пост. И Евка великодушно согласится. Сережка подойдет к нему и скажет: «Я уступаю тебе, будь помощником!» И Евка будет помощником.

А наутро Илья Гаврилыч посадил на бункер Сережку. Евке он сказал:

— Ворон ловишь, Евстигней! Боюсь, ячмень в стерню высыплешь.

И Евка сразу же убедился, что хоть и случилось ему глядеть свысока на тех, кто работает возле земли, все равно он в глазах взрослых самый последний человек на агрегате, даже щупленький Сережка, и тот относится к нему без всякого уважения.

Особенно подчеркивала свою неприязнь к Евке Настенька. Она помнила, как Евка при встречах с ней вытягивал пальцами свой веснушчатый нос и кривил рот, лишний раз напоминая девушке о несовершенствах ее лица. Теперь Настенька последовательно и немилосердно мстила Евке: она то и дело заставляла его протирать комбайн тряпкой, собирать колоски, бегать за водой. Сережку Настенька все чаще и чаще допускала к штурвалу, а Евка все не расставался с тряпкой. Затаив

желание любой ценой стать помощником, Евка крепился изо всех сил и только поглядывал на Илью Гаврилыча: неужели тот не понимает, что Настенька действует несправедливо? А Илья Гаврилыч как будто ничего не замечал.

В самый разгар уборки, днем, когда Илья Гаврилыч на скорую руку обедал, а Настенька с Сережкой помогали трактористу менять бензиновую коробку, выведенный из терпения Евка лег на стерню и заговорил, ни к кому не обращаясь:

— И что это Настенька нос дерет? Помкомбайнера! Золотые руки! Ну и что? Для девки не это главное. Я слыхал, как про нее парни говорят: «На Настьку Бондаршу и глядеть не хочется: длинная, как жердь, и рожа вся в болячках, словно куры поклевали. С ней и целоваться противно»...

— Замолчи-и! — закричала Настенька и замахнулась на Евку ключом.

Искаженное ненавистью и стыдом лицо ее стало еще безобразнее. Она уткнулась в солому и зарыдала.

— Ах ты, подлец! — возмущенно сказал тракторист.

Сережка с ужасом отскочил от Евки, словно тот мог ужалить.

Евка забормотал:

— А что, не правда, что ли? Как куры поклевали... Все парни говорят.

— Что такое? Настенька, почему ты плачешь? — подбежав, спросил Илья Гаврилыч.

— Вот... полюбуйся на него... сволочонок! — ответил тракторист, уничтожающе глядя на Евку.

Илья Гаврилыч схватил Евку за плечи и потряс так яростно, что у подростка замоталась, как бубенчик, голова.

— Смотри мне в лицо! Смотри! — Евка поднял голову и тотчас же опустил ее, увидев глаза комбайнера.— Пошел к черту!

Евка заправил в штаны линялую, в синих пятнах рубаху, исподлобья покосился на комбайнера.

— Совсем, что ли?

— Я тебе дам «совсем»! — сквозь зубы выдавил Илья Гаврилыч. — Убирайся с глаз долой... до завтра!

Евка ушел в лесополосу и пролежал там до вечера.

Когда Сережка в сумерках шел домой, Евка внезапно выскочил из кустов и стал его колотить.

Сережка защищался слабо.

— Бей, бей, бей! — повторял он.— Думаешь, жаловаться побегу? Не побегу, не радуйся!

— Мыш-шонок! — мстительно шипел Евка, наскакивая на Сережку то с одной, то с другой стороны.

— Ну и пусть, пусть! А я все равно помощником буду! Ты не будешь, а я буду! И ты мне не помешаешь!

Евка мог избить Сережку, мог убить его, но сломить волю соперника он не мог. Это было ясно.

И у Евки опустились руки.

Но Евка хотел, хотел работать с Ильей Гаврилычем! Он презирал Настеньку, ненавидел Сережку, но Илью Гаврилыча он уважал. Работать вместе с ним было бы здорово!..

На рассвете села густая роса. С листьев диких жерделей капало. Стерня стала сизой и матовой. Засучив до колен штаны, Евка шел через скошенное поле, как через обмелевшее озеро. В руках он бережно нес охапку мальв.

Экипаж комбайна еще не проснулся. Илья Гаврилыч, как обычно, спал под машиной, на бурке. На копне соломы, по-богатырски раскинув руки и ноги, лежали сраженные сном трактористы и копнильщики. Пиджаки, брюки и волосы их были обрызганы росой. Из соседней копны высовывались брезентовые туфли Настеньки.

Евка подкрался к комбайну и, озираясь по сторонам, принялся украшать машину цветами. Он втыкал мальвы в штурвал, в бункер, привязывал соломой к поручням мостика, засовывал в щели соломокопнителя. Штук десять мальв Евка разложил вокруг Ильи Гаврилыча, а один цветок бросил к ногам Настеньки.

В эту минуту над стерней показался нежный и прозрачный край розового солнца. А еще через минуту все поле ослепительно сверкало, только от комбайна до лесополосы тянулась черная, словно политая дегтем, полоса — тропа, проложенная Евкой.

Илья Гаврилыч потянулся, вылез из-под машины и воскликнул:

— Ну и ну! Это кто ж меня, как покойника, цветами украсил? Настенька!

Девушка высунула из соломы голову и тоже изумилась:

— Батя! Да ты посмотри, какой комбайн у нас!..

— Вижу! — Илья Гаврилыч кольнул дочь придирчивым взглядом, сердито огляделся.— Чья работа?

Тут он заметил Евку. Лицо у Мотузка было смиренное, как у раскаявшегося грешника.

— Ты, Евстигней?

— Я, Илья Гаврилыч...

— Где ты их наломал?

— А там.— Евка ткнул пальцем через плечо.— В лесополосе.

— Брешешь!

— Чесслово!

— Пошли, покажи! — сурово предложил Илья Гаврилыч.— Настенька, сними эту декорацию. Засмеют!

Евка понурился. Видно, опять он не угодил старому комбайнеру!

Застывшая, как зимой, лесополоса вся искрилась и горела под солнцем, и казалось, что ночью кто-то развесил на поверхности ее тысячи стеклянных бус. В середине лесополосы таились влажный речной холодок и тень, но когда Илья Гаврилыч и Евка бережно раздвигали ветки, мокрые листья так и вспыхивали, так и брызгали огнем.

— Ну, где, где твои мальвы? — нетерпеливо спросил Илья Гаврилыч, которого то и дело с ног до головы окатывало брызгами.

— Думаете, брешу? Не брешу. Вон они!

В лесополосе на полянке и в самом деле росли мальвы — домашние, привыкшие распускаться под окнами цветы. Еще вчера они возвышались над дикой поляной густым стройным островком, а сейчас в живых осталось всего лишь несколько гордых цветков. В траве валялись белые, желтые и розовые бутоны — следы Евкиного опустошительного набега.

Илья Гаврилыч поднял из-под ног раздавленный босой пяткой бутон, спросил:

— Ты, Евстигней, сажал цветы?

Опустив голову, Евка молчал.

— Где уж тебе! — продолжал Илья Гаврилыч.— Другие сажали. Кто-то щедрой рукой рассыпал семена, цветы принялись, взошли, расцвели... Стояли себе и никого не трогали. А ты пришел и сгубил их! Один! За одну минуту! Они лето росли, а ты — за одну минуту!.. Ради чего? Ради потехи?

— Не ради потехи! Я хотел...

— Чего ты там хотел! Я и слушать тебя не хочу,— взорвался Илья Гаврилыч.— И что ты за человек? Только обижаешь, рвешь, ломаешь!

Илья Гаврилыч плюнул и пошел сквозь кусты напролом.

Строки лирики

Алексей СУРКОВ

ТЕБЕ

С. К.

Когда устану или затоскую,
Взгляну в глаза, как в прозелень
морскую, —
Уйдет усталость, и тоска отпрянет,
И на душе заметно легче станет.

Вот так вся жизнь — то хлопоты, то войны.
И дни без войн довольно беспокойны:
Сегодня в Минске, завтра в Тегеране, —
Попробуй встречу загадай заране.

А сколько в суматохе каждой встречи
Признаний выпало из нашей речи!
А сколько мы, прощаясь на вокзале,
Заветных слов друг другу не сказали!

За встречами, за проводами теми
Невозвратимо пролетело время.
Мы в тишине вдвоем не насиделись,
Как следует в глаза не нагляделись.

И все ж, мой друг, сомненьями
не мучась,
Не злясь на эту кочевую участь,
Взгляни в глаза мне, глаз не опуская,
Они все те же — как волна морская.

1956.

ИЗ ПОЛЕВОЙ КНИЖКИ

Пишу тебе издалека,
Из маленького городка,
Где подо льдом течет Донец,
Где в камышах шуршит свинец,
Где зло ревут на берегу
Орудий длинные стволы,
Где пятна крови на снегу,
Когда коснешься их, теплы.

Гул канонады — как прибой,
Дымок разрыва — как цветок.
И между мною и тобой
Не километры на восток,
А эта кровь и этот бой.
На мертвом дереве листок
Пробит неистовством свинца.
Как быть нам со своей судьбой!
Как через огненный поток
Живыми пронести сердца!

1943.

ДЕВУШКА НА ГОРЕ

Корица в Ханчжоу цветет в октябре.
В октябре созревает рис.

Он простился со мной вот здесь, на горе,
И по тропке спустился вниз.

В неизвестные области северных стран
Он ушел, мой жених и друг.
Он мне письма писал с реки Ялуцзян,
А потом наступал на юг.

Он писал, как дрались за город Пынчжон,
Как с корейцами он дружил.
А потом перестал откликаться он,
Видно, голову там сложил.

Только я поверить никак не могу,
Что домой не вернется он.
Он на поле со мной, со мной на лугу,
Входит в каждый девичий сон.

Каждый день я стою вот здесь, на горе,
И шепчу ему: — Отзовись...

Корица в Ханчжоу цветет в октябре.
В октябре созревает рис.

1956.

— Вырастут цветы! — крикнул вслед ему Евка.

— Иди к комбайну!

Но Евка к комбайну не пришел.

«Неужели сбежал?» — огорченно думал Илья Гаврилыч.

В тот день Потылица выделил ему только три подводы для отвозки зерна вместо четырех. Комбайн начал простаивать. После обеда Илья Гаврилыч рассердился и пошел в полеводческий табор — «брать Потылицу за горло», как он сказал.

Дорога в табор шла вдоль лесополосы. Пройдя половину пути, Илья Гаврилыч вдруг остановился и крикнул:

— Эй, что ты делаешь?

В кустах ходил Евка. Он что-то вынимал из холщового мешочка и разбрасывал налево и направо. Увидев комбайнера, он спрятал мешочек в карман и с вызовом ответил:

— Цветы сею.

Илья Гаврилыч рассмеялся.

— Дурная твоя голова! Как же ты их сеешь? И куда?

— Куда, куда! На землю...

— Да ты их не сеешь — разбрасываешь!

— Вы же сами говорили: щедрая рука рассыпала, — пробормотал Евка и посмотрел на свою рыжую, грязную, в болячках и царапинах руку.

Илья Гаврилыч захохотал.

— Дурной ты, дурной! То ж к слову пришлось! Семена в землю сажают... и не в июле и не в жару!

— А почем я знаю? Я их ни разу не сажал. Мы в школе учили, что ветер сам переносит. Ветер-то их в землю не сажает...

— Эх, ты, ветер! Много разбросал?

— Только начал...

— Спрячь и никому не рассказывай. Да иди к комбайну. Сергей там замучился один. — Илья Гаврилыч покачал головой и прибавил: — Я уж и не рад, что взял тебя, не дождусь конца.

Это был конец. Все. Не бывать Евке помощником комбайнера!

Подхваченный яростью, Евка ворвался на поляну, сломал и растоптал последние мальвы, потом перепрыгнул через дорогу и вниз головой, как в омут, нырнул в копну соломы. Сжавшееся в комок тело его колотила злая, отчаянная дрожь.

Поостыв, Евка решил: на комбайн он больше не пойдет. Незачем. Но им нужно отомстить за все — Сережке, Настьке, Илье Гаврилычу! Настьку он ославит, Сережку изобьет до полусмерти. Но что сделать с Ильей Гаврилычем? Какую ему месть придумать?

Илья Гаврилыч и бригадир Потылица появились из-за лесополосы и зашагали к копне, в которой лежал Евка.

— Зачем же ты говоришь, что стоит? Косит! Косит комбайн! — кричал Потылица.

— Покосит, покосит и станет. Подводы-то нет. Раскрой глаза.

— Будет подвода, будет. Я утверждаю! Кто у тебя комбайн ведет? Пацан, по-моему... Пацан! Сережка?

— Сергей, — подтвердил Илья Гаврилыч.

— Ну, этот хлопец не то, что Евка!

— Да, паренек способный.

— Его возьмешь?

— Нет, возьму Евстигнея, — сказал Илья Гаврилыч.

— Кого?! Евку?! — закричал Потылица. — С ума спятил человек! Сам в петлю лезет!

— Возьму Евстигнея, бригадир, — холодно повторил Илья Гаврилыч. — Сережка с любым комбайнером работать будет. Сам через год — два в комбайнеры вырастет. А этого подлеца Евку никто не возьмет. Пропадет хлопец, если к делу не пристроить, с пути собьется.

Потылица недоуменно растопырил руки. Широченные рукава его рубахи повисли в воздухе, как у клоуна.

— Не понимаю я тебя, Гаврилыч! Не понимаю!

Илья Гаврилыч махнул рукой: что с тобой разговаривать! Но не выдержал и обернулся.

— А я тебя не понимаю, бригадир! До тыщи лет жить думаешь? Не вытянешь! Ниву-то кому оставишь? Им же, Сережке да Евке, оставишь! А они ее по ветру пустят при твоем к ним отношении...

— Философия, Гаврилыч, философия!

Это замечание вывело старого комбайнера из терпения.

— Гляжу я на тебя, Потылица, и удивляюсь: и паспорт у тебя советский и даже партийный билет в кармане, а главное жирком заросло!

— Стой, стой! Куда клонишь? Чего такое у меня заросло? — взъерошился Потылица.

— Душа! — отрезал Илья Гаврилыч и пошел к комбайну.

Обиженный Потылица беззвучно шевелил губами и шарил пятерней по выпуклому животу.

А из-за копны соломы сквозь слезы с ненавистью глядел на него Евка Мотузок.

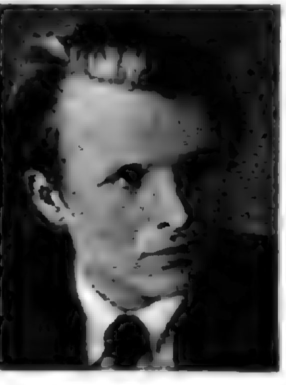

Н. Тихонов.

С. Никитин.

Г. Радов.

Е. Поповкин.

Мирзо Турсун-заде.

А. Марков.

Расул Гамзатов.

А. Старков.

О. Верейский.

П. Караченцов.

Н. Драчинский.

И. Тункель.

А. Новиков.

Премии журнала «Огонек» за 1956 год

Редакционная коллегия «Огонька» отметила ежегодными денежными премиями лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1956 года. Премированы авторы:

Н. Тихонов (повесть «Белое чудо», №№ 18—28), С. Никитин (рассказ «В бессонную ночь», № 29), Г. Радов (рассказ «Кузьма-укрепитель», № 15), Е. Поповкин (юмористический рассказ «Как выбирали Катерину», № 31), Мирзо Турсун-заде (поэма «Хасан-Арбакеш», № 5), А. Марков (поэма «Михайло Ломоносов», №№ 30, 31), Расул Гамзатов (цикл стихов «Весна», № 18), А. Старков (очерк «Трудная должность», № 33), О. Верейский (рисунки к повести Н. Тихонова «Белое чудо», №№ 18—28), П. Караченцов (рисунки к повести Х. Лакснесса «Милая фрекен и господский дом», №№ 2—4), Н. Драчинский (фотоочерк «Египет в эти дни», № 49 и цветная фотография «Хасан Махмуд Халиль стал солдатом Армии освобождения вместе со своим сыном Вафи», № 50), И. Тункель (цветные фотоочерки «Южнее Гурьева», № 44, «Целина обжитая», № 45), А. Новиков (цветная фотография «Утро на дороге», № 49).

К. Е. Ворошилов и Н. П. Смирнов.

БУДЬТЕ ТАКИМИ!

Я. МИЛЕЦКИЙ

1

Об этом сообщали газеты: командир отделения 49-й военизированной пожарной команды Москвы Николай Павлович Смирнов спас из огня 67-летнюю Анну Родионовну Зайцеву и ее внука — восьмилетнего Веню. Правительство наградило Н. П. Смирнова орденом Красной Звезды.

Смирнов вошел в зал, когда там собрались все, вызванные для получения наград.

— Климент Ефремович вручит вам орден отдельно. Он хочет с вами побеседовать,— предупредили Николая Павловича.

И вот зал опустел. Климент Ефремович вошел в сопровождении секретаря Президиума Верховного Совета СССР А. Горкина. Торжественно прозвучал текст Указа о награждении.

Климент Ефремович вручил Смирнову орден, крепко пожал ему руку.

— Поздравляю с высокой наградой, — сказал он. — Мы гордимся вашим мужественным поступком. Отрадно, что в нашей стране много смелых людей.

Они прошли в кабинет Ворошилова, сели в кресла возле небольшого круглого столика и стали беседовать.

— На каком этаже был пожар? — спросил Климент Ефремович.

— На пятом.

— И вы туда по пожарной лестнице?

— Да. А затем по карнизу к окну, откуда крики неслись.

— Широкий был карниз?

— Сантиметров тридцать.

— Небось, страшно было?

— Не без того. Только я поближе прижимался к стене и медленно передвигался. Так четыре раза прошел. Вначале один. Затем с мальчонкой Веней. А потом снова один и напоследок с бабушкой.

— Много народу внизу собралось?

— Дело ночью было. Я со сна вскочил, босиком, без майки даже. Народ, конечно, собрался. И жена моя внизу стояла с трехлетним сынишкой на руках. Тоже смотрела... Волновалась.

— Большая семья у вас?

— Трое детей. Старшие дочери — школьницы. Они тогда в пионерском лагере под Москвой были. Не видали этого.

— Смелый вы человек! — улыбнулся Ворошилов.— А вот если бы не было вас в тот момент возле горящего дома, как бы тогда было? Сгорели бы люди?

— Другие бы нашлись и спасли их.

— Это верно. У нас смелых людей много. Это война показала. А вы в войну где были?

— На фронте, как и все. Под Прагой войну закончил. Под Орлом был, Белоруссию освобождал, на Ленинградском воевал...

Больше получаса длилась беседа товарища Ворошилова с пожарным Смирновым. Климент Ефремович рассказывал ему о своем детстве, о годах гражданской войны, когда красноармейцы проявляли чудеса храбрости в борьбе с врагами молодой Советской республики. Снова заговорили об Отечественной войне.

— Есть у вас награды? — спросил Климент Ефремович.

— Есть медаль «За отвагу» и медаль «За боевые заслуги».

— Значит, действительно отважный человек!

Тепло попрощался Ворошилов с храбрым пожарным, крепко пожал ему руку, просил кланяться жене, детям.

Радостно встретили Смирнова товарищи по пожарной команде, когда он с орденом на груди пришел на дежурство. В многотиражке местный поэт посвятил ему стихи, которые кончались словами:

Ты Красной Звездою
Не зря награжден,
Гордится тобою
Весь наш гарнизон!

2

Осенью 1955 года пять выпускников 1-го Московского медицинского института добровольно уехали на далекую Камчатку.

Был среди них и молодой врач Виктор Борисович Майский. Вскоре в одном из домов на Большой Пироговской улице, где живут его родители, стали получать районную газету, которая издается в селении Тиличики, Олюторского района, Камчатской области. Вероятно, это единственный экземпляр, присылаемый в столицу по подписке. В семье Виктора газету прочитывают от начала до конца и прекрасно знают теперь не только о жизни Олюторского района, но и о том, что творится во всем Корякском национальном округе...

В одном из номеров газеты родители прочитали и о том, что произошло с их сыном, работающим в районной больнице.

...В бескрайней тундре бушевала пурга. Впереди ничего не было видно. Рискованно выезжать в такую лютую погоду! Но молодой врач Виктор Борисович Майский двинулся в путь: ему нужно было быстрее добраться до села Ветвей, где ждала его помощи внезапно заболевшая учительница Анастасия Николаевна Жирнова.

Расстояние от районного центра до села Ветвей невелико по местным масштабам: не больше шести часов езды на собачьей нарте. Майский пустился в путь один, захватив с собой лишь чемоданчик с медицинскими инструментами. О том, как лютовала метель и злобствовала снежная буря и как мужественно преодолевал жестокую непогоду молодой врач, можно судить по тому, что он добирался до села двое суток. Обессилевшие собаки едва довезли его. Помощь подоспела вовремя. Жизнь учительницы удалось спасти.

Когда пурга утихла, Майский на той же собачьей нарте повез больную в свою районную больницу.

Районная больница, в которой работает Виктор Майский, невелика — всего на 25 коек. Не без труда удалось молодому врачу обеспечить больницу электричеством, оборудовать рентгеновский кабинет. Кстати, по этому поводу Виктор пишет матери: «Представь себе, аппарат работает, чему я очень удивляюсь, ибо монтировал и пускал его я сам, без чьей-либо помощи».

Мы узнаем из писем, что Виктор даже в прохладную погоду купался в морской бухте, что недавно из Петропавловска приехал второй врач и что они вдвоем, захватив передвижной рентгеновский аппарат, совершают поездки в колхозы, что в больнице есть все новейшие медицинские препараты. «Не хуже, чем в Москве».

Когда лег снег, врачи выехали на собачьей упряжке в тундру для медицинского обследования коряков. «Вернемся в январе».

— Уже колесит, вероятно, по тундре на собаках в пургу и метель, — не без грусти сказала нам мать, посмотрев через окно на заснеженную Москву.

Эту карточку врач Виктор Майский прислал родителям.

3

Если вам приведется побывать на площади Маяковского в Москве, полюбуйтесь статной и рослой фигурой милиционера-регулировщика. Его зовут Яков Федорович Ткаченко.

Летом, когда он наденет белый китель, вы увидите на его груди необычную медаль, которой Яков Федорович недавно награжден. Ленточка красного и синего цвета. На медали надпись: «За отличную службу по охране общественного порядка».

Ткаченко несет службу на самом оживленном перекрестке Москвы. Непрерывным потоком движутся автомобили, троллейбусы, автобусы. То и дело проносятся машины «Скорой помощи», санитарные автомобили.

Регулировщик не забывает поглядывать и на здание Центрального кукольного театра: не окончился ли спектакль и не хлынула ли детвора на улицу? И вот дети пошли. Он дает им зеленую улицу; застывают у светофоров вереницы машин.

Яков Федорович зорко наблюдает за ребятами,— у него самого трое детей, и они любители этого театра.

На посту у Ткаченко не бывало аварий.

Но медаль он получил за происшествие, вернее, за предупреждение его. Это было поздно вечером, когда уменьшился поток машин. Вдруг с площади Пушкина послышались тревожные свистки. Легковая машина шла в сторону Ткаченко. Он понял, что должен ее задержать. Жезл поднят. Но шофер машины не реагирует. Тогда Яков Федорович подбежал к машине, ухватился руками за дверную ручку и открытое окошко и сильным рывком повернул машину. Шофер вынужден был затормозить. К Ткаченко поспешили на помощь. Так благодаря находчивости Ткаченко был задержан преступник.

Если вам придется побывать на площади Маяковского, не нарушайте правил, подчиняйтесь приказам Якова Федоровича Ткаченко!

Милиционер-регулировщик Я. Ф. Ткаченко.
Фото Е. Умнова.

Вокруг Европы

Сергей СМИРНОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

ВО МРАКЕ МОРЯ

Мигал огонь
на плавающей вышке,
И вспышками
до сердца проникал он.
И сердцу
говорили эти вспышки:
— Гореть —
так уж гореть
с перенакалом!

Черное море.

ПАРТИЗАНЫ

Украинскому поэту
Платону Воронько.

Черноморье.
Причалы.
Уже заграница.
Вдалеке фонари и луны
полушарие.
Я с украинским братом Платоном
хочу поклониться
Болгарии.

У Платона есть друг
в древнем городе Варне.
Состоится ли встреча,
Еще неизвестно пока.
Вместе были они,
окрещенные пулями парни,
Партизанами у Ковпака.

Опускается трап на болгарскую
сушу.
Сразу мой ковпаковец
бегом на причал.
Тут шофер
Подхватил партизанскую душу
И умчал...

Два часа на прогулку...
Луна да платаны,
Разговоры со встречными,
а потом
Возвращенье.
Но что-то не видно Платона.
Где Платон!
Где!
Но даже друзья по каюте
не знали,
И его на прогулке не видел никто.
Вдруг оттуда,
как «Скорая помощь»,
сигналя,
Мчит авто.

...Вышел он,
моего беспокойства виновник.
Вслед
выносят
различных сосудов набор.
Словно солнечный свет,
полыхает вино в них.

— Эй, сейчас отплываем!
— Скорее на борт!

Он идет, в окруженье болгар
и болгарок.
Все болгары колотят в ладоши
И запасы вина
преподносят в подарок
Платоше.

Он в ударе
и нам объясняет невинно,
Как во имя его сабантуй
начался.
— Не забыть,— говорит,—
эти два с половиной
Часа!

Сколько лет,— говорит,—
не бывал у дружка-партизана,
Но, клянусь,
Наша дружба крепка.
За нее,— говорит,—
мы до дна осушили стаканы
И за нашего Ковпака.

С благодарной улыбкой
на потном лице
Он болгарам кричит:
— До свидания, Варна!
И на весь теплоход добавляет: —
О, цѐ
Гарно!

Болгария.

ВАРВАР И ЭЛЛИН

Два
прекрасных образа
изваяно:
Варвар — вроде хмурого хозяина,
Эллин — вроде спутника
веселого,—
Улыбаясь,
гордо держит голову.

Смотрит варвар, никого не радуя,
Лишь случайный взгляд
ему наградою.
Но
вниманье каждого
нацелено
На черты
Улыбчивого эллина.

Музей в Афинах.

ПО СЕКРЕТУ

Акрополь.
Древний храм Эрехтейона.
Кариатиды держат крышу храма.

Они, подобно мраморным
колоннам,
Стоят века́
незыблемо и прямо.

Фигуры одинаковые с виду,
На первый взгляд
совсем различий нету.
Но тут же
Про одну кариатиду
Вам старый гид
расскажет по секрету:

Богатый лорд,
бродяжий сын Европы,
Обосновался здесь во время о́но.

Он изучал разрушенный
Акрополь,
В особенности храм Эрехтейона.
Ценитель древнегреческой
культуры,
Он колдовал над мрамором
упрямо,
И мастерски
скопировал скульптуру,
Которая держала крышу храма.

И вскоре
он увез
во мраке трюма
Свою скульптуру (так решили
греки).
И целый город с уваженьем
думал
Об этом иностранном человеке.

Но дело в том,
что по отъезде лорда
Картина обнаружилась иная:
Среди святынь, держащих крышу
гордо,
Была одна фигура подставная.

Она стояла в мраморном наряде,
Старинной славы
ложное виденье.
А подлинник,
Бесспорно, был украден
И увезен в британские владенья.

На родине у лорда,
за границей,
Где интуристы шествуют, глазея,
Кариатида пленная томится
Под сводами Британского музея.

Ей ненавистны лондонские стены,
Она страдает в окруженье
пестром
И всей душой
стремится неизменно
В Эрехтейон,
К своим бессмертным сестрам.

Афины.

ЧЕЛОВЕК

Как вещает древнее преданье,
Человек
открыл огонь,
и вдруг
У него,
У гордого созданья,
Эту ценность
вырвали из рук.
Не разбойный люд с большой
дороги,
Не иные грешники земли —

Сами
древнегреческие боги
До подобной низости дошли.
И тогда —
ответная затея —
Целый ряд решительных шагов:
Человек
руками Прометея
Отобрал
огонь
у тех богов.

В даль веков ушло событий много.
От богов
ни слуха, ни следа.
Но творит
и сам — превыше бога
Человек полезного труда.

Афины.

* * *

Мы плывем,
средиземную ширь вороша.
Ветер, волны да облака.

...Я услышал,
что чайка —
это душа
Погибшего моряка.

Осмотрелся.
Вокруг
ни дымка, ни суши.
Синева — как на веки веков.
А за белой кормой
белокрылые души
Моряков.

Средиземноморье.

ВЕЗУВИЮ

Я думал:
Везувий —
вулкан-динамит.
А он как-то выглядит сиро:
Законсервирован
и не дымит
В условиях
Старого мира.

Ни грозных толчков,
Ни глубинного грома,
Спокойствие — даже в кратере.
Послушай, Везувий,
бросай свою дрему
К чертовой матери!
Не хочется верить,
что ты отклубил
И присмирел на века.
Ведь ты,
если верить истории,
был
Убежищем Спартака...

А ныне
деталью
экзотики местной
Маячишь под солнцем или во тьме.
Но в сердце огонь,
и еще не известно,
Чтб
у тебя
на уме...

Неаполь.

«ВЕРНИСЬ В СОРРЕНТО»

В шикарном зале белого отеля
«Вернись в Сорренто»
Ангелы запели.

Не ангелы —
Мальчишка и девчонка
Запели дружно,
трогательно,
тонко.

Запели неземными голосками.
Их голоски
печально
слух ласкали.
Печально потому,
что пели дети,
Когда синьоры
Кушали спагетти.

«Вернись в Сорренто»
песенка звучала.
И думалось о чайках у причала,
О белых виллах,
О лимонных кронах,
О детях,
музыкально одаренных...

До самого последнего куплета
Пленительная песенка допета.

Певец бредет от мраморной
колонны
И всем синьорам
отдает поклоны.

В руке — пустое блюдце,
а во взгляде:
«Подайте,
Помогите, бога ради...»

«Вернись в Сорренто» —
Ангельское пенье,
На детских лицах
тень многотерпенья,
Гроши на дне протянутого
блюдца...
Я не хотел бы
к этому
вернуться.

Сорренто.

У РИМСКОГО ПАПЫ

Легче упасть
В крокодилову пасть,
Легче покой обрести на погосте,
Чем
россиянину
взять и попасть
К римскому папе в гости.

Заходишь.
Монахи лоснятся от пота,

И каждый
командовать рад.
Они у тебя отбирают
фото-
Аппарат.

Вместительный лифт
экскурсанта несет
Невидимыми руками.
Еще далеко до небесных высот,
Но — стоп! —
и ты в Ватикане.

Среди живописных садов и тепла
Музей
разностильно разросся.
Сюда
Все сокровища
сволокла
Рука крестоносца.
Ведут галереи
то прямо, то вбок.
...Сикстинская капелла.

Здесь
Микельанджело (а не бог)
Творил, и душа его пела.

Труды Рафаэля под копотью
хмурой...
Пергаментов целые склады...
От гипса и мрамора
веет культурой,
Украденной из Эллады...

Мы любим свою
Всесоюзную ширь
И город
с багряным созвездием.
Но
с нашим уставом
в чужой монастырь
Не ездим.

И когда,
Как финальную сцену,
Объявили,
что выступит папа,

Я тоже поправил прическу
степенно
И за спину спрятал шляпу.

Растворилось окно
под музейною кровлей,
Появился старик с голоском
комара,
Свысока
пожелал нам успеха
в торговле
Через радиорупора.

Распласталась толпа,
Загорланила дико,
Замолилась,
на старца глазея.

...А мне
показался святейший владыка
Ненужным пятном
На стене музея.

Ватикан.

В СОБОРЕ СВЯТОГО ПЕТРА

Католики
чуть шевелят устами,
Идут сюда, как на смотр.
Сидит перед ними на пьедестале

Сам
святой Петр.

Сидит не минуту,
а ряд столетий
И старится понемногу.
Склоняются взрослые,
Тянутся дети,
Целуют его
в ногу.
Целуют,
целуют,
целуют они,
С молитвенными словами...
Он стал инвалидом:
ему полступни
Сцеловали.

Смешно...
Скорей не смешно, а грустно
И горько по-человечьи:
Ведь тут не Петру,
а шедевру искусства
Наносят
Увечье...

Рим.

В ГОЛЛАНДИИ

Касаясь одной стороны медали,
Я утверждать готов,
Что не господь,
а голландцы создали
Эту землю цветов.

Лежит
аккуратненькая страна
Ниже уровня моря.
Лежит за извилистой дамбой она,
Вся в цветочном уборе.

Цветы несусветных сортов
и пород.
Их дарят с душевным словом
Не только тому,
кто, допустим, помрет,—
Нет! — людям живым и здоровым.

Цветы, как знамена,
Цветы, как дымок,
Цветы...
...А с другой стороны медали
Я землю голландцев
увидеть не смог:
Экскурсоводы не дали.

Амстердам.

ОБЩЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Европа,
Европа,
Европа...
А в ней —
Вершины искусства с вершинами
зодчества,
Конвейер машин,
пешеходов,
огней
И круглое одиночество.

Стокгольм.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГЕО

Академик И. БАРДИН,
председатель межведомственного Комитета по проведению Международного геофизического года в СССР

1 июля 1957 года... Эта дата войдет в историю мировой науки. В этот день в 00 часов по гринвичскому времени (в Москве будет 3 часа ночи) на всех материках Земли заработают несколько тысяч станций и обсерваторий. В воздух подымутся ракеты и самолеты, воздушные шары и радиозонды. Начнутся полеты первых искусственных спутников Земли. В долгое, многомесячное плавание по водам Тихого и Атлантического, Северного Ледовитого и Индийского океанов отправятся корабли...

Так начнется Международный геофизический год — выдающееся событие в науке XX века. Он продлится до 31 декабря 1958 года.

В течение этого периода будут осуществлены небывалые по своей грандиозности мероприятия, цель которых — одновременные и согласованные геофизические наблюдения всего земного шара: его недр, коры, океанов, атмосферы (начиная от ее приземных слоев до пространств, расположенных за многие сотни километров от поверхности), а также Солнца, которое, в сущности, контролирует жизнь на нашей планете. С Солнцем связано, кстати, и время проведения наблюдений. На 1957—1958 годы выбор пал не случайно. В этот период произойдет усиление солнечной активности.

Как известно, активность различных процессов на Солнце непостоянна и достигает наибольшей интенсивности примерно через каждые 11 лет. С наступлением этого максимума все геофизические явления, связанные с деятельностью Солнца, будут выражены наиболее ярко.

У этого Международного года есть свои предшественники, но ни один из них по своим масштабам не может сравниться с предстоящим.

Необходимость международного сотрудничества в геофизике (науке, изучающей физические свойства земного шара) стала очевидной для ученых еще во второй половине XIX века. В 1882—1883 годах был проведен первый Международный полярный год.

Прошло еще 50 лет. Наступил второй Международный полярный год, программа которого была значительно большей и разнообразной. Учитывая важность исследований приполярных областей, Академия наук СССР приняла тогда на себя руководство всеми работами, выполнявшимися учеными Советского Союза. Председателем национального координационного комитета был академик А. П. Карпинский.

Бурное развитие авиации, радио и телевидения предъявило новые серьезные требования к изучению всего того, что влияет на погоду, прохождение радиоволн и многое другое. И вот Международный совет научных союзов, являющийся одним из органов ЮНЕСКО, принял в 1951 году решение о проведении очередного Международного геофизического года. В нем уже изъявили желание участвовать 55 стран. Создан Специальный Международный Комитет, который в своей деятельности опирается на национальные комитеты отдельных государств.

За 18 месяцев нынешнего Международного геофизического года — МГГ (как его называют сокращенно) — сэкономятся многие десятки лет труда, которые потребовались бы геофизикам для изучения нашей планеты, если бы они действовали разрозненно. Представители самых разных областей науки будут искать ответы на многие и многие вопросы. Вот лишь некоторые из них. Изменяется ли климат Земли? Будут ли затоплены берега материков при таянии ледников? Что вызывает полярные сияния? Какова зависимость между пятнами и вспышками на Солнце и дальней радиосвязью? Что собой представляют земные токи, которые, непрерывно меняясь, текут по всей земной поверхности? Что представляют собой потоки частиц, выбрасываемые Солнцем, которые время от времени настигают Землю и вызывают целый комплекс явлений, известных как «магнитно-ионосферные бури»? Изучение этих и других проблем не только обогатит человечество новыми знаниями, но и поможет решить многие практические задачи, начиная от трансполярной воздушной связи до получения богатых урожаев. Остановлюсь на некоторых из них.

Сталинабадская астрономическая обсерватория. У нового прибора для фотографирования метеоров — его конструктор кандидат физико-математических наук Л. А. Катасев.

Рисунки Л. СМЕХОВА.

292 точки на карте

Известно, что точное предсказание погоды определяется процессами, протекающими на всем земном шаре. Так, например, шторм, возникающий на восточном побережье Азии, неделю спустя может создать период холодной погоды в США, а затем вызвать новый шторм в Средней Атлантике и последующие ливни или снега в Европе. Атмосфера является «рабочим флюидом» огромной тепловой машины, приводимой в движение Солнцем. Большие и малые системы циркуляции атмосферы переносят тепло из тропиков в полярные районы. Вот почему количество метеостанций, участвующих в МГГ, особенно велико. На карте СССР их значится двести девяносто две. Кроме этих станций, которые будут вести наблюдение по специальной программе, в метеорологических исследованиях примут участие несколько тысяч станций Гидрометеослужбы СССР.

В понимании закономерностей, управляющих распределением погоды и способствующих установлению прогнозов, большое значение имеют сведения с Южного полушария, которые до сих пор были очень скудны. Впервые в течение этого года в Антарктике и в районах субантарктических вод будет организовано около 60 метеостанций.

С атмосферой связан ряд факторов, играющих решающую роль в нашей жизни: кислород, влажность, поглощение смертоносных излучений Солнца, углекислота.

Так, например, человечество в течение ближайших десятилетий может непреднамеренно изменить климат Земли. И зависит это... от углекислоты. Количество ее в атмосфере вследствие заражения воздуха углем, нефтью и естественными газами, выбрасываемыми многочисленными заводами и фабриками, непрерывно возрастает. Некоторые приближенные подсчеты показывают, что в течение ближайших 50 лет количество углекислоты в воздухе за счет отходов достигнет 1 700 биллионов тонн. Эта астрономическая цифра составляет 70 процентов углекислоты, содержащейся в воздухе в настоящее время.

Говоря языком океанографов и метеорологов, совершается геофизический эксперимент, который не мог случиться в прошлом и вряд ли будет повторен в будущем. Углекислота, оставаясь в атмосфере, несомненно, повлияет на климат Земли. Каков может быть этот эффект? Частичный ответ на этот вопрос дадут намеченные наблюдения.

С борта корабля...

От Курил до Новой Гвинеи, от Гренландии до Азорских островов, от южной оконечности Африки к Антарктиде — таковы лишь некоторые морские пути научно-исследовательских кораблей, которые будут участвовать в МГГ. Общее количество их достигнет ста сорока. Они проведут различные океанографические наблюдения.

В настоящее время ничего не известно о глубинных течениях в океанах и никто не знает, сколько потребуется времени — сотни или тысячи лет — для того, чтобы глубинным водам совершить круговорот от Антарктики к экватору и обратно.

Для чего нам нужны сведения об этом? Течения имеют большое значение для долгосрочных прогнозов погоды, особенно важно знать закономерности обмена водами между Антарктикой и низкими широтами.

Далее, продуктивность океанов зависит от обмена между глубинными слоями и поверхностными. Иначе говоря, количество рыбы, водорослей и морских животных, которое мы можем получить из моря, пропорционально скорости, с которой совершается этот круговорот. Наконец, развитие мирного использования атомной энергии, весьма вероятно, приведет к производству огромного количества радиоактивных веществ, которые куда-то должны быть отведены. Одним из таких резервуа-

...ИЗИЧЕСКИЙ ГОД

ров может стать море. Нужно выяснить, насколько это безопасно для людей и подводного мира.

Сигналы из космоса

Хорошо известно, что Солнце — главный фактор, определяющий состояние верхних частей земной атмосферы. Ультрафиолетовое излучение, идущее от Солнца, создает так называемую ионосферу — заряженную газовую оболочку в атмосфере Земли. Благодаря существованию ионосферы и возможна коротковолновая радиосвязь на большие расстояния.

Однако, создавая эту возможность радиосвязи, само же Солнце нарушает время от времени (а иногда и довольно часто) нормальное состояние ионосферы. Это влечет за собой временное, а порой и длительное нарушение радиосвязи. Особенно неприятны в этом отношении яркие хромосферные вспышки на Солнце.

Если вспышка достаточно ярка, то она сопровождается выбрасыванием атомов, ионов и электронов различных элементов, которые движутся со скоростью в несколько тысяч километров в секунду. Подлетая примерно через сутки к Земле и врываясь в ее верхние слои, они вновь создают нарушения в нормальном состоянии ионосферы. Выброс заряженных частиц подтверждается и непосредственными наблюдениями радиоизлучения Солнца.

Наконец, во время некоторых очень ярких хромосферных вспышек отмечается усиление интенсивности космических лучей. Этот крайне важный факт будет также изучаться в дни Международного геофизического года.

Станция на леднике

Вечные снега и ледники занимают десятую часть суши на Земле. Если бы вода, «законсервированная» в них (не считая Северного Ледовитого океана), освободилась, то уровень мирового океана повысился бы примерно на 55 метров.

А нужно ли говорить, как влияют ледники на климат Земли!

В последнее время на Земле наблюдалось общее уменьшение оледенения. Однако некоторые ученые высказывают мнение о возможном новом его увеличении. Опровергнуть или подтвердить это предположение могут всесторонние и одновременные гляциологические (гляциология — наука, изучающая ледники) наблюдения во время Международного геофизического года. Кроме того, изучение ледников имеет большое значение и для сегодняшнего дня. В полярных районах, где огромные пространства покрыты панцырем льда, решительно все народнохозяйственные задачи связаны с его использованием: например, такие, как строительство путей сообщения, линий связи, сооружение любых предприятий, жилых поселков.

В таких же районах, как, например, в Средней Азии, где вода определяет развитие сельского хозяйства и промышленности и где горные ледники — главный источник питания многих рек, изучение этих ледников приобретает особое значение: ведь если увеличить таяние ледников в жаркие летние дни, то станут полноводнее реки, орошающие поля.

Изучением ледников займутся специальные станции, организованные на всем земном шаре, а у нас — в Якутии и горах Памира, на земле Франца-Иосифа и на Кавказе. Большой интерес представляет станция Суантар-хаята, расположенная в почти недоступном районе Верхоянского хребта. Она даст сведения об открытом в 1947 году новом районе современного оледенения и о развитии здесь вечной мерзлоты.

Дыхание Земли

Комплекс наблюдений, проводимых во время МГГ, позволит многое узнать и о внутреннем строении Земли. Не всем известно, что, например, жители Москвы в результате своеобразного «дыхания Земли» два раза в сутки

опускаются и поднимаются примерно на 50 сантиметров. Происходит это благодаря приливам в твердой Земле, аналогичным приливам морей и океанов.

Эти приливы вызываются притяжением Луны и Солнца. Величина их определяется упругими свойствами Земли. Измеряя эти приливы, можно узнать и упругость Земли, а следовательно, получить новые данные о ее внутреннем строении.

Подобные исследования будут проводиться многими странами: США, Францией, Англией, Чехословакией. В Советском Союзе для этих целей уже построены две гравиметрические станции — под Москвой, в Красной Пахре, и под Ленинградом, в Пулкове.

Вдоль одного меридиана

Гигантской сеткой, испещренной различными линиями и усеянной многочисленными точками — пунктами наблюдений, — выглядит сейчас карта земного шара. Но есть в ней несколько так называемых интернациональных меридианов, на которых сеть станций будет особенно густая. Один из них — 140-й меридиан. Здесь будут работать, кроме многих зарубежных, 25 советских станций. 16 из них займутся метеорологическими наблюдениями, остальные — магнитными, ионосферными, океанографическими, изучением космических лучей, широты и долготы.

В этом поясе расположится самая восточная станция Советского Союза, изучающая очень тонкие, малейшие изменения — микропульсации — магнитного поля и поля земных токов. Чувствительность магнитных приборов, которые будут установлены на станции, в 100 раз превышает чувствительность обычной аппаратуры магнитных обсерваторий. Одновременная регистрация пульсаций в электрическом и магнитном поле Земли позволит составить представление о характере строения земной коры в этом месте.

Исследованием земного магнитного поля на океанах займется и уникальное, единственное в мире советское немагнитное судно — «Заря». Эта красивая трехмачтовая моторно-парусная шхуна построена почти целиком из дерева, бронзы, латуни и немагнитной стали. Как известно, у нее был только один предшественник — американское судно «Карнеги», погибшее свыше 27 лет назад.

«Заря» весной выйдет из Ленинграда, пройдет около 50 тысяч миль по Атлантическому, Индийскому и Тихому океанам, посетив при этом около 20 магнитных обсерваторий разных стран. Свое плавание шхуна закончит во Владивостоке к концу 1958 года.

Материал, собранный «Зарей», позволит выяснить вопросы, касающиеся той части земного магнетизма, которая создается в ядре Земли на глубине около 3 500 километров, а также уточнить мировые магнитные карты, которыми пользуются самолеты и морские суда всего мира.

В Арктике

Арктика, изучению которой были посвящены предыдущие полярные геофизические годы, остается в центре внимания и сейчас. Здесь, только на территории СССР, будет работать свыше 100 комплексных станций, оборудованных новыми, совершенными приборами.

Впервые на четырех арктических станциях — в Ловозере, бухте Тикси, на мысе Челюскина и в бухте Тихой — начнут вестись наблюдения земных токов. Заново организуется в Арктике сеть станций, фотографирующих полярные сияния с помощью разработанных в Советском Союзе камер, которые дают изображение всего неба.

Особое внимание уделяется исследованию сейсмичности Арктики, почти неизвестной в настоящее время. Три новые станции — в бухте Тихой, Мурманске и Баренцбурге — будут вести специальные сейсмические наблюдения, которые позволят проследить образование и движение тайфунов на океанах.

«Будь готов!»

В Международном геофизическом году все научные станции в определенные, так называемые Мировые дни и интервалы и в случаях, не предусмотренных заранее, будут работать по особой, расширенной программе.

Предположим, служба Солнца донесла, что ожидается вспышка в хромосфере. Из специального прогностического центра, расположенного под Вашингтоном, за 8 часов до начала наблюдений по всему миру, по всем станциям будет передан сигнал «Будь готов!». В Советском Союзе центр оповещения расположится под Москвой, в Научно-исследовательском институте земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн. Кроме советского, создаются еще два центра оповещения: в Париже и Токио.

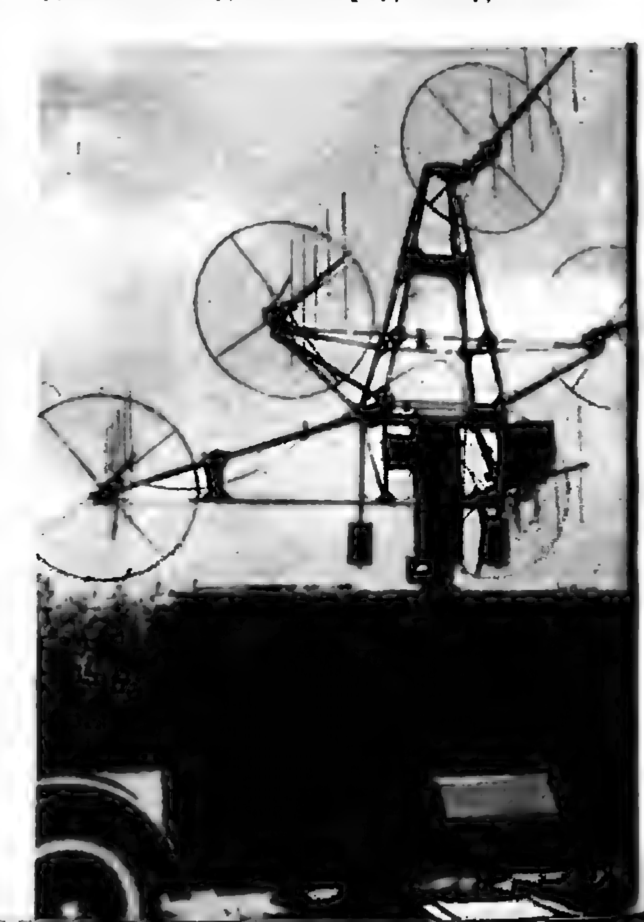
Такие согласованные действия огромного масштаба, охватывающие весь земной шар, намечаются в истории науки впервые.

* * *

Метеорологические исследования, изучение космических лучей, работа широтных станций и станций в Антарктиде, наблюдения с самолетов, ракет и искусственных спутников — невозможно коротко рассказать обо всем том, чем будут заниматься в Международном геофизическом году советские ученые. Около 100 научных учреждений готовятся сейчас к МГГ. Десятки предприятий делают различную аппаратуру, приборы и установки.

Новый, начинающийся год — большой для науки год. МГГ явится боевым смотром достижений науки, ее возможностей, ее технической оснащенности. Он еще раз покажет, насколько едины культурные и научные интересы всех народов мира и как необходимо международное сотрудничество для решения жизненно важных проблем сегодняшней науки.

Радиотеодолит. С его помощью ведется наблюдение за радиозондами.

ПОЗДРАВЛЯЕМ И ЖЕЛАЕМ...

«Кого вы хотите поздравить с Новым годом?» — с этим вопросом обратились наши корреспонденты к деятелям искусств и зрителям. Мы публикуем некоторые их ответы-приветствия.

МЫ ПРИЕДЕМ, ДРУЗЬЯ!

Западный Казахстан, Теректинский район, коллективу совхоза «Трудовик».

Шлем вам сердечные новогодние поздравления, далекие друзья-целинники. Много месяцев прошло с тех пор, как мы виделись, но до сих пор звучат в наших сердцах слова привета, рукоплескания, которыми вы щедро награждали нас, московских артистов, принесших свое искусство мастерам-хлеборобам.

Непривычно было нам, игравшим на уютной сцене Художественного театра, в чуткой тишине зрительного зала, выступать то в переполненной людьми столовой, где подмостками служили составленные столы, а жара доходила до пятидесяти градусов, то среди поля, с кузовов грузовиков. Но какой наградой было ваше внимание, волнение, с которыми воспринималась наша игра!

Более десяти тысяч зрителей побывали на тридцати выступлениях нашей бригады в разных совхозах Казахстана.

Вы, как и другие, просили артистов приезжать почаще. Желаем вам в новом году снова собрать обильный урожай. А мы приедем, друзья! Желаем вам счастья!

Артисты Московского Художественного театра **П. Винников, Л. Губанов, А. Михайлов.**

ЗА ВАШЕ ИСКУССТВО!

Мурманск. Дом культуры имени С. М. Кирова. Коллективу театральной самодеятельности.

Дорогие молодые друзья!

Кто из нас, работников театра, не прошел серьезной школы в скромном драматическом кружке? Самодеятельности мы обязаны рождением многих ярких дарований в театре.

Талантливый спектакль «Овечий источник» Лопе де Вега, показанный вашим коллективом недавно в Москве, нашел горячих поклонников.

Я поднимаю новогодний бокал за ваше искусство, дорогие друзья!

Павел Герага,
народный артист РСФСР.

ПУСТЬ ТЕСНЕЕ БУДЕТ ДРУЖБА

Свердловск. Драматический театр. Народному артисту СССР Б. Ф. ИЛЬИНУ, народному артисту РСФСР М. А. БУЙНОМУ, заслуженным артистам РСФСР А. А. ИЛЬИНУ, Л. Д. ОХЛУПИНУ.

Шлем новогодние поздравления нашим хорошим друзьям.

Пожалуй, нет спектакля, который рабочие нашего цеха не посмотрели бы в своем любимом театре. Горячо поздравляем театральный коллектив с такими удачными постановками, как «Филумена Мартурано», «Чудесный сплав», «Крылья», «Сильные духом», «Размолвка», «Униженные и оскорбленные». Рады заслуженному успеху нашего театра во время летних гастролей 1956 года в Москве.

Пусть в новом году еще теснее станет дружба наших коллективов.

Старший вальцовщик **П. Губанов;** мастер цеха, председатель цехкома **М. Бабкин;** сортировщица, культорг цеха **Л. Саханова;** сварщик **В. Анисимов;** секретарь цехового бюро ВЛКСМ **И. Полянин.**

Верх-Исетский металлургический завод. Свердловск.

«Овечий источник» Лопе де Вега в постановке мурманского самодеятельного коллектива.

Фото С. Гурарий.

После концерта. Артисты Московского театра сатиры — народный артист РСФСР Б. Тенин, заслуженные артистки РСФСР Т. Пельтцер и В. Васильева и другие — в гостях у моряков Тихоокеанского флота.

ПОМНИМ НАШУ ВСТРЕЧУ

Морякам Тихоокеанского флота.

Дорогие друзья!

В новогоднюю ночь за праздничным столом мы приветствуем из веселой и шумной Москвы вас, кто стоит сейчас на вахте, охраняя священные границы нашей Родины. Глубоко в сердце храним мы впечатления о дружеских беседах с вами во время гастролей Московского театра сатиры на Дальнем Востоке в летние солнечные дни 1956 года. Радостные улыбки, горячие аплодисменты и трогательные подарки, которыми вы встречали артистов, воодушевляют нас в новых творческих замыслах, которые мы надеемся осуществить в наступающем году. Страстно хочется, чтобы эти работы были достойны нашего великого и прекрасного народа.

Мы уверены, что новый год будет годом успешной борьбы за мир во всем мире.

Заслуженные артистки РСФСР **Т. Пельтцер, В. Васильева.**

ЖЕЛАЕМ НАПИСАТЬ НОВУЮ ПЬЕСУ

Москва. Писателю Л. М. ЛЕОНОВУ.

Дорогой Леонид Максимович!

Приношу вам свои новогодние поздравления.

Мы всегда искренне рады успеху ваших пьес. Ныне ваша «Золотая карета» выезжает на подмостки МХАТа. Хотим надеяться, что скоро буйно зацветут «Половчанские сады» на сцене нашего театра — Театра имени Вл. Маяковского.

Наш театр давно дружит с вашими замечательными пьесами. Кроме «Ленушки», мы широко распахнули двери вашему «Обыкновенному человеку», и он надолго поселился в нашем театре. А скоро «Обыкновенный человек» выйдет на просторы киноэкрана.

И все же хочется пожелать, дорогой Леонид Максимович, чтобы в предстоящем году свет рампы увидели не только уже знакомые зрителю ваши пьесы. Мы от души желаем вам написать, а нам увидеть новую драму или комедию о наших современниках, которая, как и прежние ваши творения, украсит репертуар театров.

Евгений Самойлов,
народный артист РСФСР.

БУДЬТЕ ГОСТЕМ НАШЕГО КОЛЛЕКТИВА

Москва. Композитору Д. Д. ШОСТАКОВИЧУ.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

В нашем коллективе много любителей музыки, которые хотят поздравить вас с Новым годом, пожелать всего того хорошего, что желают вам многочисленные друзья. Но, кроме общих пожеланий, есть у нас и свои, особые.

По установившейся традиции, во Дворце культуры имени Горбунова каждый вторник собираются любители музыки, чтобы послушать рассказы о творчестве композиторов, познакомиться с их произведениями в исполнении артистов и оркестра. Вот мы и хотим пожелать на новый год вам и себе более близкого знакомства друг с другом. В любой «музыкальный вторник» вы были бы дорогим гостем нашего коллектива.

П. Беспальченко,
мастер цеха.

Москва.

«Оптимистическая трагедия» в Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина.

ТАК ДЕРЖАТЬ!

Ленинград. Большой драматический театр имени М. Горького, главному режиссеру народному артисту РСФСР Г. А. ТОВСТОНОГОВУ.

Дорогой Георгий Александрович!

Я хочу поздравить вас с Новым годом. Он по-настоящему новый для вас — в новом театре, с новыми «товарищами по оружию».

Этапным на вашем режиссерском пути был ряд постановок в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола. Теперь вы «выросли», вы стали во главе Большого драматического театра имени М. Горького. На сцене старейшего театра Ленинграда — Академического театра драмы имени А. С. Пушкина — вы поставили в минувшем сезоне «Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского. Это было событием в театральной жизни не только Ленинграда. Спектакль пронизан революционной романтикой, звучит героической симфонией, гимном тем, кто свершал революцию, кто стоял насмерть, защищая ее.

Хочется сказать словами ваших моряков: «Так держать!».

С. Гиацинтова,
народная артистка СССР.

ДОРОГОЙ ОБРАЗ

Московский Художественный академический театр Союза ССР имени М. Горького, заслуженному артисту РСФСР Б. А. СМИРНОВУ.

Дорогой Борис Александрович!

Позвольте от всего сердца поздравить вас с Новым годом и с большой творческой победой, одержанной вами в минувшем году.

Я, как и многие, с большим интересом встретил ваше первое появление на сцене МХАТа. Мы знали вас по спектаклям Московского театра имени Пушкина, особенно после «Иванова». И все же, когда мы прочли в программах, что вы в спектакле «Кремлевские куранты» должны воплотить образ Ленина, мы очень волновались.

Каждому советскому человеку бесконечно дорог образ Владимира Ильича, и каждому хочется, чтобы его сценическое воплощение оказалось как можно ближе к тому Ильичу, который живет в душе народа. Мне лично выпала честь работать над воплощением образа Владимира Ильича в спектаклях художественной самодеятельности. Я радуюсь вместе с тысячами других, что в «Кремлевских курантах» вам удалось донести до зрителя величие и теплоту сердца Ленина в созданном вами образе.

Е. Владимиров.
Научно-исследовательский институт.
г. Электросталь.

ПРИВЕТ «ЗЕМЛЯКУ»!

Москва. Художнику Н. В. КУЗЬМИНУ.

Дорогой Николай Васильевич!

Примите новогодние поздравления от «земляка». После ваших замечательных иллюстраций к «Левше» Лескова мы, туляки, считаем вас своим земляком.

Сколько радости и удовольствия доставила нам эта небольшая книга в превосходном оформлении, с вашими иллюстрациями!

В. Орлов,
подполковник.

«Кремлевские куранты» на сцене МХАТа. В. И. Ленин — Б. А. Смирнов, крестьянин Чуднов — Д. И. Шутов, Анна Чуднова — А. П. Зуева.
Фото А. Гладштейна.

ПЕРВОЕ МЕСТО ЗАНЯТО ПО ПРАВУ

Шевченково, Черкасской области. Сельский хор. Руководителю Н. П. СОКИРКО.

Ваше село — родина великого кобзаря. Тем приятнее сознавать, что в руководимом вами певческом коллективе, который существует почти полвека, утвердились отличная музыкальная культура, богатые народные традиции Украины. Первое место, которое вы заняли на республиканском смотре сельских хоров 1956 года, вам принадлежит по праву.

Замечательному коллективу и его руководителю приношу сердечные поздравления с наступающим Новым годом.

Л. Ревуцкий,
композитор, народный артист СССР.
Киев.

ХОРОШО ПОДГОТОВИМСЯ К ВЕЛИКОЙ ДАТЕ

Москва. Большой театр Союза ССР. Балерине Н. ТИМОФЕЕВОЙ.

Новый год застает нас в разных, но близких друг другу театрах,— тебя, Нина, в Москве, в Большом театре Союза ССР, меня по-прежнему в Ленинграде, в Академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова. Бывшие твои сослуживцы, молодые артисты балета, остались твоими верными друзьями. С большой радостью следили мы за твоими успехами как в Москве, так и за рубежом, во время недавних гастролей советского балета в Англии.

Посылая сердечный новогодний привет и поздравления, я искренне хочу, чтобы тебе все более радостно работалось в Большом театре.

Желаю, чтобы 1957 год был значительным и ярким для всех нас, советских людей, готовящихся к сорокалетию Великого Октября. Хорошо подготовимся к этой исторической дате!

Татьяна Легат,
балерина Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

Лариса Латынина, абсолютный чемпион XVI Олимпийских игр.
Фото Б. Светланова.

ЗА НОВЫЕ РЕКОРДЫ

Абсолютному чемпиону XVI Олимпийских игр Ларисе ЛАТЫНИНОЙ.

Я, старый художник, отпраздновавший в 1956 году свое семидесятилетие, далек от спорта, но искренне радуюсь вашим победам, прославившим наше советское спортивное искусство.

Желаю вам здоровья и дальнейших творческих достижений.

В. Фаворский,
художник.

Солистка балета Большого театра Союза ССР Н. Тимофеева в роли Одетты в «Лебедином озере».
Фото Б. Борисова.

ГОД ФЕСТИВАЛЬНЫЙ...

Алла Сапожникова на пришкольном участке.

Наступил год 1957, год фестивальный. Заглянем, что же будет в Москве на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов за мир и дружбу, и побываем у тех, кто готовится к празднику уже сегодня.

...28 июля. Улицы залиты солнцем. По небу расплеснулась синяя краска. Люди спешат к Садовому кольцу мимо огромных красочных плакатов. У Главного входа Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, как гигантский цветник, колышется пестрая толпа: делегации всех стран собрались здесь, чтобы начать праздничное шествие по Москве. Одна за другой подходят машины — нет, не машины, какие-то чудесные колесницы, расцвеченные щедрой фантазией художников. Медленно выезжают они на Садовую под предводительством мотоциклистов с национальными эмблемами. Начинается знакомство москвичей с участниками фестиваля. Несутся песни, приветствия, сияют улыбки... И цветы, целый дождь цветов усыпает путь следования гостей.

Усилий всех садовников не хватило бы, чтобы вырастить такую массу цветов. Но в том-то и дело, что не одни садовники занимались этим. Видите девочку, копошащуюся в земле? Алла Сапожникова вместе с другими юннатами 587-й московской школы высевает под снег семена астр и космеи. Цветы распустятся к фестивалю. Тогда же будут срезаны пятьсот нежных гладиолусов; их неказистые, сморщенные луковички хранятся пока, до весны, в комнате наглядных пособий. Одна только эта школа обещает пятьдесят букетов участникам праздника молодежи. А сколько таких любителей-садоводов в стране!

...Возле Зубовской площади шествие останавливается, и уже пешком гости направляются в сторону Лужников, к Центральному стадиону имени В. И. Ленина, где состоится церемония открытия. Многоликий цветной поток втягивается в чашу стадиона и разливается по трибунам. Взвивается флаг — и сотни белых птиц едва не закрывают небо.

На нашей фотографии голубей немного. Но ведь это лишь репетиция. Вы видите голубей с завода «Каучук». Под самым небом, на высоте десятиэтажного дома, комсомольцы и молодежь завода оборудовали для птиц отличное помещение с центральным отоплением и горячей водой. Голубиные семьи, поселившиеся в «отдельных квартирах» — подвесных шкафчиках с сетчатой дверцей,— выводят здесь птенцов. Сто птиц выпустят молодые рабочие «Каучука» над стадионом в первый день фестиваля.

...После голубиного парада присутствующие на стадионе смотрят грандиозную танцевальную сюиту на темы народных танцев разных стран мира. А со следующего дня... Если бы один человек захотел повидать все, что произойдет в дни фестиваля, то ему понадобилось бы на это десятки лет. Придется каждому выбрать встречи и развлечения по вкусу с расчетом на гораздо более короткий срок.

Встретятся собратья по профессии: молодые строители, шахтеры, текстильщики... Работницы комбината Трехгорная мануфактура убеждены, что их зарубежные коллеги захотят познакомиться с достижениями коллектива. Чтобы беседа проходила успешно, девушки с отделочной фабрики изучают иностранные языки. Занятия ведут студенты Института иностранных языков. В немецкой группе дело подвигается. Правда, Рая Юдина немного смущается, когда приходится произнести фразу: «Ich bin sehr froh. Ihre Bekanntschaft zu machen» — «Я очень рада с вами познакомиться».

Профессиональные встречи сменятся собраниями «по интересам». Впервые в истории фестивалей будут общаться, например, молодые рыболовы. Тут уж только на рыболовных рассказах: «Ах, какую акулу я поймал на спиннинг!» — далеко не уедешь. В один прекрасный день рыболовы-любители со своими удочками, блеснами, крючками, ведрами для будущего улова погрузятся на машины и отправятся на Учинское водохранилище половить нашу рыбку, поесть ухи, поваляться у костра, попеть песни.

Слова и мелодии этих песен советские участники фестиваля разучивают уже сегодня. Студенты 2-го Медицинского института однажды посвятили целый вечер зарубежным напевам: польским, негритянским, мексиканским. Особенный успех имеет в институте квартет гитаристов. В программе у них много песен стран Латинской Америки. Готовясь к фестивалю, они наладили связь с латиноамериканскими музыкантами и получили от них помощь. Друзья-медики уверены, что этим товарищам доведется выступить во время фестиваля в Международном студенческом клубе.

Неплохое место выбрали себе студенты для отдыха, развлечений, неофициальных встреч: клуб разместится в новом здании МГУ на Ленинских горах. Здесь можно будет почитать: для зарубежных друзей, интересующихся советской литературой, готовятся специальные издания с эмблемой фестиваля — «Педагогическая поэма», «Повесть о настоящем человеке», «Как закалялась сталь» на английском, немецком, французском, испанском языках. Можно просто посидеть в студенческом кафе и побеседовать. Не беда, если твой собеседник из Бразилии, а ты из Китая. На столиках лежат португальско-русский, китайско-русский разговорники, выпущенные к фестивалю; они помогут вам объясниться.

...Праздник разольется волной по улицам, площадям и паркам Москвы. Останкинский парк озарится светом большого традиционного костра, зажженного в честь солидарности с молодежью колоний и зависимых стран. От Цветного бульвара к стадиону «Динамо» потянется шумная цирковая кавалькада.

И так — торжество за торжеством, вплоть до 11 августа, дня закрытия. Вечером при свете огней стадиона закружатся пары в прощальном вальсе. «Ночь прощания!» — так будет названа эта последняя встреча.

А потом... Потом поезда, самолеты, корабли помчат гостей обратно, во все концы земного шара. Друзья увезут с собой не только память о фестивале, но и вещественное ее выражение: тысячи подарков, которые готовят сегодня в школах, вузах, на предприятиях. Наверное, будут иметь успех оригинальные рисунки фестивальных платков, над которыми потрудились художники комбината «Красная Роза». А коллектив парфюмерной фабрики «Новая заря» «колдует» сейчас над тем, чтобы создать самый нежный и запоминающийся аромат фестивальных духов, придумать для них самую изящную упаковку.

Трудовая молодежь Москвы идет навстречу празднику юности!

М. ГРИНЕВА

Фото Риммы Лихач.

Голуби поднялись с галереи завода «Каучук».

Студенты-гитаристы (слева направо): Залимхан Яндеев, Владислав Мокровский, Владимир Журавченко и Станислав Савин.

НЕУМИРАЮЩИЙ ЛЕБЕДЬ

Рассказ

Владимир ОРЛОВ

Рисунки Г. ГРИНШТЕЙНА.

Когда старый билетер, обознавшись сослепу, предложил Елене Ивановне программу, она тоже, будто по ошибке, взяла белый листок. Ей хотелось поглядеть на Танины инициалы и свою фамилию рядом с ними. Когда она проскользнула в ложу, в зале была уже темнота, и под прикрытием темноты начинала приходить в движение еще скрытая от зрителей армия театра.

Музыка так хорошо знакома была Елене Ивановне, что она почти не слышала звуков. С любопытством следила она за происходящим вокруг.

В углублении, похожем на нижнюю палубу судна, сидели оркестранты. У них были до смешного разные лица, разные характеры, разное отношение к музыке, но

они двигались дружно и согласованно, как гребцы на старинном корабле. Взмахи смычков казались взмахами весел, но ложа оркестра не плыла, а стояла неподвижно, словно в пантомиме, и только музыка тихо проплывала мимо, как плывут разнообразные берега.

Музыканты подчинялись толстяку во фраке и с палочкой в руке, стоявшему перед ними навытяжку, будто регулировщик на перекрестке. Широкими взмахами рук он приостанавливал одни части оркестра, чтобы дать ход другим.

Неотвратимая угроза сгущалась в воздухе. И хотя дирижер извещал о приближающейся опасности, оркестранты отзывались вяло.

Тревога нарастала, и ватага врагов, незримых для окружающих и видимых одному дирижеру, ворвалась в оркестр. Дирижер отбивался от них локтями, бил кулаками, разил палочкой, не забывая в пылу сражения листать партитуру коротким, резким движением, словно рвал листы календаря.

Можно было разгадать его тактику. Он стремился, ни на секунду не прекращая боя, вовлечь в сражение возможно больше народу. Скрипачи, виолончелисты, контрабасисты помогали ему теперь чем могли. Все было поднято на ноги. Смычки сверкали, как сабли, и трубы ревели, как боевые слоны.

Тряся руками от нетерпения, дирижер искал кого-то последнего, какого-то дезертира, укрывшегося за спинами оркестрантов, и, внезапно, как шпагу, выбросив палочку, изобличил бездельника, дремавшего где-то в углу над принадлежностями полевой кухни. Тот вскочил, в отчаянии грянул тарелками и замер с простертыми руками, пронзенный палочкой насквозь.

С беспокойством оглядела Елена Ивановна зрительный зал.

В черноте директорской ложи шевелились смутные тени. Двое рослых мужчин усаживали маленькую женщину поудобнее, у барьера. Женщина долго и капризно усаживалась, а мужчины хлопотали вокруг нее. Наконец она уселась, подперев лицо рукой.

«Знает ли Таня?» — с тревогой подумала Елена Ивановна.

Она стала торопливо выбираться из ложи и почти побежала по пустому фойе с притушенными огнями, мимо строя строгих дверей, из-за которых доносился приглушенный рев оркестра. Комнатушка администратора, где был внутренний телефон, оказалась запертой на замок.

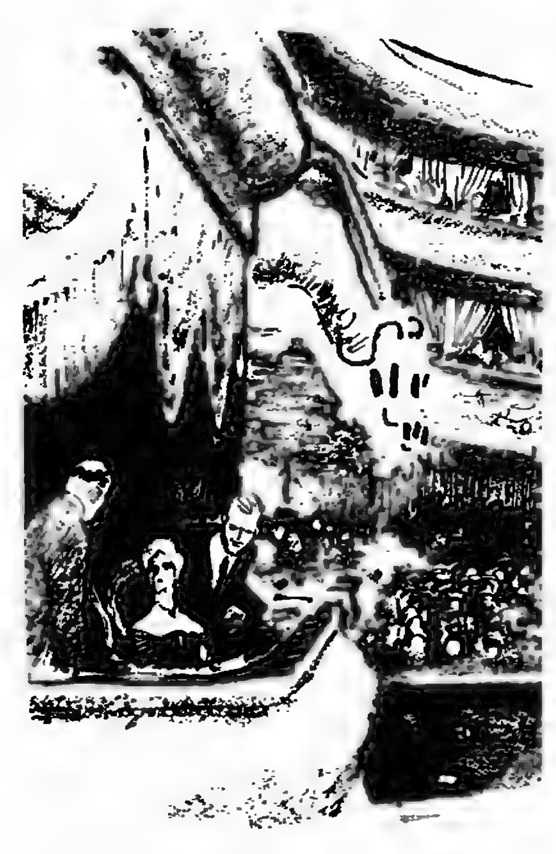
Тогда Елена Ивановна оторвала клочок программы и, расправив его на шероховатой стене, стала быстро писать Тане записку, прижимая локтями сумочку, и бинокль, и маленькую лису, которую

она как мать актрисы считала необходимым надевать в театр.

Зрители не знали, что в то время, когда белые лебеди сплетались на сцене в сложные гирлянды, Таня в артистической комнате разминала мускулы, неутомимо сгибала и разгибала колени, приседала, подпрыгивала, разогревая свое тело, как пилот разогревает мотор, готовясь к полету. Наконец она почувствовала скользящую легкость в суставах, словно все ее сочленения были смазаны теплым маслом.

Парикмахер и костюмерша подступили к Тане в последний раз. Парикмахер еще раз убедился, что плотно уложены Танины рыжие косички и что шапочка из лебяжьих перьев надежно сидит на голове. Костюмерша проверила, прочно ли зашита сзади пачка, и расправила ее белоснежный смявшийся лепесток.

— Ни пуха вам, ни пера! — сказал парикмахер. Было видно, что он волнуется.

Вспыхнула сигнальная лампа, и Таня вышла из комнаты.

Электромонтер уступил ей дорогу с церемонным поклоном принца.

Она шла по темным кулисам между мачт, канатов и громадных полотнищ, похожих на корабельные снасти, превращавших кулисы в подобие палубы парусного фрегата.

Оркестр ревел, как океан. Таня шла навстречу его кипению, склонив голову, в тревожном раздумье.

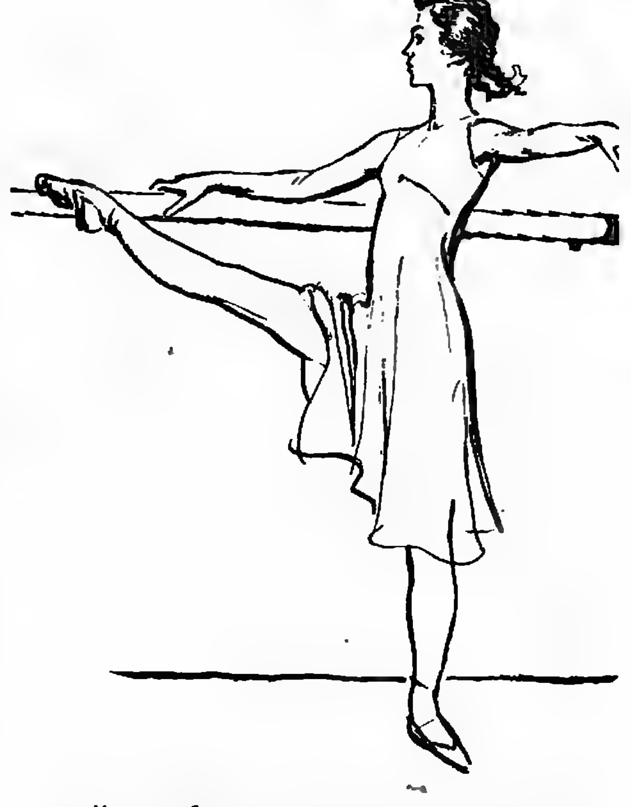
Взыскательный глаз отметил бы, что в фигуре Тани не хватает гармонии. Мышцы икр толстили ноги. Туфли с тупыми носками некрасиво удлиняли ступни, придавая им сходство с лапами водоплавающей птицы. То ли ноги были чуть-чуть коротки, то ли чуть длиннее, чем нужно, шея, но какая-то приземистость ощущалась во всей ее фигуре.

Вскоре Тане самой пришлось уступить дорогу. Стайка девушек в белых, дерзко взбитых пачках гуськом пробежала мимо.

— Старуха в ложе! — шепнула бежавшая впереди.

Другая девушка на бегу легко обняла Таню и коснулась щекой ее плеча. Таня молча отстранилась и быстрее пошла дальше, еще ниже наклонив голову.

Музыка звала ее в фантастический, необыкновенный и по строгим законам существующий мир. И она отстранялась от всего, что мешало ей войти в этот мир, от всего, что противоречило его законам.

С каждым шагом становились глуше треволнения прожитого дня. Музыка вела ее в совершенно особенную, не похожую на обычную жизнь. Эту новую, трудную, короткую жизнь надо было прожить ответственно и с честью.

Таня задержалась за решетчатой кулисой, изображавшей древесные кущи, вслушалась в музыку, отсчитывая такт.

Музыка требовала Таню настойчиво, не давая отсрочки.

Она встала на пальцы — напряглись и подобрались мышцы, ноги стали длинней, появилась в корпусе статность, гармония влилась в ее тело. Таня сразу сделалась очень красивой.

И сейчас же два прожектора взяли Таню в скрещение лучей, осторожно повели по сцене. Таня плыла, ослепленная облаком светового тумана, по подмосткам, бескрайним, как аэродром.

В черноте проступили пухлые руки и дряблое лицо дирижера. Лампы пульта освещали его снизу, и оно казалось лицом кузнеца, раздувающего горн. Та рука, что держала палочку, неусыпно и деятельно поддерживала жизнь оркестра, а другая была приготовлена для Тани и держалась повелительно, подобно стартовому флажку.

Теперь Таня была целиком в его власти.

Подчиняясь стальной дирижерской воле, широко и послушно

тек конвейер музыки, и Таня была приставлена к его многоцветному полотну. Ее тело жило, работало, двигалось теперь по законам его течения и не властно было ни сбавить темп, ни умерить силу движений, ни сменить последовательность фигур. Иногда на вершине какого-нибудь сложного пируэта, на пределе напряжения сил, на границе потери дыхания тело Тани рвалось ускользнуть из подчинения, на секунду пытаясь пренебречь музыкальным полотном, малодушно упростить фигуру, но дирижер предупреждал ее повелительным и грозным движением, и она победно заканчивала пируэт. И снова неумолимо тек конвейер, приближая новую, еще более трудную задачу.

Таня верила, что при всяком случайном и непреодолимом препятствии, при коварной осечке сердца, при внезапно кольнувшей, незримой для публики боли дирижер милосердно придет к ней на помощь и слегка притормозит неумолимое полотно, попридержит на миг нависший удар оркестра. И она спокойно вверяла себя стартовому флажку и летела в слепом полете через сцену, сквозь мрак, в скрещении лучей. Она знала, что в этот ответственный миг дирижер, призывающий всех оркестрантов к вниманию, обеспечит ей точное, в такт приземление.

От оркестра катились к Тане высокие волны чувств.

Это смутное, неясное, щемящее волнение Таня не смогла бы выразить словами. Даже крик потерялся бы в этом жгучем стеснении сердца. И тогда сам собою рождался жест — немое и искреннее движение, — и живая стихия танца полоняла ее целиком.

Таня сама становилась музыкой, отлитой в скульптурную форму.

В темном зале вершился над Таней высший суд. Иногда долетал до нее богатырский скрип, словно гнулись колонны под тяжестью здания. Это сотни людей меняли позы, чтобы лучше разглядеть Танино па. И тогда она с особенной строгостью чеканила движение. Общий вздох разряжал напряжение сотен грудей. И тогда она убеждалась, что все в порядке.

Таня двигалась вслед за музыкой, но при каждом ее движении изменялось звучание оркестра.

Кто взглянул бы сейчас на дирижера, тот увидел бы, что в лице толстяка, в его пухлой коротенькой ручке отражается пленительный Танин жест, отражается смешно и искаженно, как в кривом зеркальном предмете.

Оркестранты, однако, давно перестали замечать смешное в мимике дирижера. Они видели только то, что рука его надломилась в какой-то новой, несвойственной неге, ощутили эту негу и прониклись ею. Осторожнее скользнули смычки, стало легче дыхание флейтистов, и мелодия прозвучала тепло и искренне, как душевно сказанная фраза.

Музыка, достигая Тани, становилась зримой, и это превращение обогащало музыку. К дирижеру от Тани возвращались встречные волны чувств. Дирижер ловил их пронзительными глазами и рукою и палочкой загонял в оркестр.

Лица оркестрантов были светлы и веселы, смычки работали увлеченно. Это было счастье коллективного созидания. Они вместе создавали прекрасное, широко и щедро даря друг другу все то лучшее, что рождалось в душе.

Как завидовал им тот молчальник в углу, с парой медных тарелок, осужденный композитором на безделье и ревниво глядевший на радостный труд других! Наконец и он поднялся на ноги, чтобы лучше видеть Таню и чтобы лучше подготовиться к своему единственному, звонкому, бронзовому слову, которого он ждал теперь, как праздник.

Краем глаза Таня заметила, что партнер ее, Толя Волин, приближается к ней. Впрочем, то был не настоящий Толя. Настоящий Толя, знакомый по урокам и репетициям, носил тапки и брюки лыжного покроя. Этот Толя был в туфлях с бантами на английских каблуках. Трико облегало его голенастые ноги. Кудри томно откинуты назад. Простоватое и доброе лицо его при активном участии гримера приобрело то опасное для женщин выражение, в котором неукротимая страсть сочетается со столь же неукротимой энергией.

Удивительная перемена Толиного лица забавляла сверстников и сверстниц. Но сейчас Татьяне было не до смеха. У нее была одна непреодолимая слабость. При стремительном вращении у нее иногда кружилась голова, и она рисковала смазать фигуру. А сейчас неудержимый музыкальный поток влек ее к водовороту.

Он уже втягивал ее в мерное вращение, величавое, как движение праздничной карусели. Сильными взмахами рук она убыстряла вращение, пока пачка не распласталась в негнущийся белый диск, опоясанный туманом быстрого движения. Уже грозно качнулся пол, и ее могло швырнуть, расшибить насмерть. Но Таня чувствовала, что Толя где-то вблизи. И действительно, легли ей на талию осторожные крепкие Толины руки.

— Держи, черт! — прошептала Таня.

Она сказала «черт», а не «чорт», потому что рот ее был растянут в той искусственной и милой улыбке, которая всегда возникает на лице у балерин в моменты крайних напряжений.

Предстояло встать на Толино колено. Таня смело ступила на него, потому что уступчиво-мягкая Толина поза была обманчивой, и колено оказалось устойчивым и твердым, как скамейка. Плечо тоже было, как дерево. Теперь Толя медленно поднимал ее вверх, под грохот аплодисментов нес через сцену, за кулисы.

Зрители не знали, что пока гремели аплодисменты, Таня приходила в себя, держась за стенку, бурно дыша, полуслепая от напряжения, как боксер, отброшенный к канату ринга. Это было единоборство со своим собственным, вырывающимся из подчинения телом. Пол плыл под ее ногами, колени подкашивались, сердце с каждым толчком росло, а ребра сжимались стальными обручами и все туже и туже стягивали грудь. И Таня укрощала свое тело испытанными приемами борца, отвоевывая обратно мускул за мускулом, постепенно освобождаясь от тисков ребер, терпеливо сдерживая бег сердца.

А тем временем шесть лебедей, по извечной прихоти балетмейстеров, изменили внезапно своей гордой медлительности и прошлись, взявшись за руки, резвым галопом, четко отбивая такт. С краю шли две совсем юные балерины. Таня по комсомольской линии держала над ними шефство. Она зорко поглядела им вслед, замечая погрешности движений, чтобы завтра перед репетицией поправить их обеих.

Затем Толя отпрыгал свое.

А Таня уже шла к нему, счастливая и успокоенная, улыбаясь своей настоящей улыбкой.

С оглушительным шумом сыпались хлопки. Но помалу в их нестройном шуме зародился единый ритм, словно тысячи плещущих рук постепенно сливались в одни исполинские ладони. Казалось, исполин полновесно и мощно хлопал в зале, и все люди, сойдясь с ним в оценке, с удовольствием аплодировали в такт.

Таня много раз выбегала кланяться, но великой балерины уже не было. Она покинула ложу до конца спектакля.

Где-то что-то погасло, потускнел и обезлюдел зал, и лишь девочки-подростки, поклонницы Тани, продолжали бить в ладоши, перевесившись с верхнего балкона.

Их хлопки уже не были слышны Тане, которая с нетерпением выбиралась из своей лебединой оболочки, становясь обычной девушкой, отработавшей вечернюю смену.

Среди толпы, окружавшей артистический подъезд, она сразу заметила Елену Ивановну. Они взялись за руки. Преждевременный уход великой артистки озадачил их обеих.

Таня шла, чуть прихрамывая, утомленной, развинченной походкой.

«Не понравилась! — думала Таня. — Да и нечем хвастать: танцевала в четверть ноги...»

Длинный черный перечень недоделок, так знакомый каждому мастеру, укоризненно развернулся перед нею.

Хромота ее увеличивалась, и, когда они добрались до дому, Таня была совершенно разбитой.

Сервированный Еленой Ивановной ужин призван был восстановить ее силы. И хотя постоянное, привычное чувство голода подступило к Тане, но она проявила стойкость, потому что грозный призрак полноты замаячил перед ее глазами.

Таня съела лишь тарелку кислой капусты, холодящей, хрустящей и тающей во рту, как пластинки льда.

Она мысленно карала себя за прошлые прегрешения. Позавчера на именинах ее вынудили выпить лишний бокал вина, а этого явно не следовало делать. А вчера, вместо того чтобы лечь отдохнуть между репетициями, она разрешила увезти себя на футбольное состязание и без памяти хлопала победам «Спартака». В результате притупились нервы, и вечерняя репетиция прошла без пользы.

Боль в ноге представлялась теперь Тане утешением: объективные обстоятельства защищали ее от упреков в провинностях субъективных.

Она села на диван и, освободившись от туфли, положила на стул ноющую ногу. То была многострадальная стопа балерины, деформированная тяжелым трудом. Связки мышц пеленали ее, как бинты. Крепкие пальцы искривились корешками дуба. Таня молча постукивала кулаком по икре, деловито и мнительно, как шофер по подозрительной шине.

Волнения Тани были напрасны. Она не знала, что великая балерина соблюдает строгий режим и что нет такой силы, которая бы заставила ее лечь в постель позже установленного срока. Срок наступил, и она покинула ложу.

Утром она позвонила Таниной маме по телефону. Мама сразу узнала ее низкий, сипловатый голос.

— Ты мать Татьяны Ильиной? — спросил голос. Старуха всех женщин называла на «ты». — Твоя дочь — шикарная танцовщица! Но местами не тянет... Понимаешь меня?

Мама так волновалась, что, пожалуй, ничего не смогла бы понять, и со страшным выражением лица передала трубку Тане.

— Здравствуйте, Полина Сергеевна... — быстро сказала Таня и тогда только поняла, что еще не успела поднести к уху трубку.

— Где вы там? — просипел в трубку сердитый голос. — Куда вы пропали?

— Это Таня, Полина Сергеевна, — сказала Таня.

— Ты мне нравишься. Слышишь?

— Слышу, Полина Сергеевна...

В трубке замолчали.

— Вот что. Приходи в четверг. В пять часов. Покажу настоящих лебедей...

— Приду, Полина Сергеевна...

Трубка опять замолчала.

— Приходи в пятницу. В четверг нельзя. Понимаешь меня?

— Хорошо, Полина Сергеевна.
— До свидания...
— Скажи спасибо! — прошептала мама драматическим шепотом.
— Спасибо, Полина Сергеевна! — крикнула Таня, но уже разъединили, и в трубке запело радио.
Последние годы великая балерина жила одна в своей большой квартире и почти никого не принимала.
Легендарная ее биография развивалась по канонам старинных повестей и романов: деревенская девочка, беззаботно приплясывающая в кругу хоровода; своенравная, действующая издали руку филантропа; домогательства сиятельного лица и скандальное поражение вельможи; наконец, триумфальный полет актрисы по сценам мира.

Ее громадная сценическая жизнь казалась одним нескончаемо длившимся чудом. Но кончилась и она. Продолжалась просто долгая жизнь, которую Полина Сергеевна вела уединенно и строго.
Никто из молодых уже не видел ее на сцене, и лишь память о ней жила в народе. Молодые балерины с бьющимся сердцем пробегали мимо ее всегда закрытых дверей, хранивших тайны неповторимого искусства.
Еще не было решено, пойдет ли Таня одна или возьмет с собой маму.
Елена Ивановна стала задумчивой. Она часто и без всякой надобности подсаживалась к зеркалу, меняла прическу, разглаживала лицо. Было вынуто и разложено на кровати мамино пановое платье, из которого давно собирались выпустить швы.
Тане очень хотелось пойти с Еленой Ивановной, но она боялась, что мама забудется и начнет говорить, говорить, говорить...
Она скажет, что Таня танцевала еще в колыбели и сперва научилась ступать на пальчики, а потом на всю ножку; что у Тани, помимо всего, несильный, но очень приятный голосок; что таланты Тани в театре недооценивают, а дирекция даже ее затирает; что подруги у Тани пустые девчонки, а сама она хорошая девочка, серьезная и ласковая; что у мамы и самой были неплохие музыкальные способности, но она их совершенно не развивала, потому что всю себя, до последней кровинки отдавала Тане, и что Таня даже не понимает, какое великое счастье иметь такую мать, как она...
Таня знала, что маму остановить нельзя, что на все гримасы, стоны и протесты мама будет только злиться и огрызаться, и боялась, что Полина Сергеевна не вынесет этих нескромных, неуместных, несправедливых речей и прогонит, разгневавшись, их обеих. Было страшно, что Полина Сергеевна, как и всякая волшебница, ни за что не превратится при маме в прекрасную и добрую фею, не покинет облик сварливой старушки, в котором она уже многие годы являлась людям.
Порешили, что в первый раз Таня пойдет одна, а в другой раз непременно возьмет Елену Ивановну.
Стали думать, какое надеть платье и какой подарить букет, потому что великая балерина любила цветы.
Но случилось так, что Таня задержалась на репетиции и переодеться не смогла. Она еле успела заскочить в цветочный магазин.
— На все, — сказала она продавщице, протягивая деньги.
То ли денег оказалось много, то ли дешево стоили цветы, но букет разрастался неудержимо: розы, гвоздики, левкои, гладиолусы, и опять левкои, и опять гладиолусы... Получилась клумба, а не букет, но Татьяна постеснялась удержать продавщицу и кивком головы подтвердила: на все!
Она приняла букет в охапку, как вязальщицы берут снопы, и понесла под сочувственными взорами прохожих.
Она шла по улице, глядя прямо перед собой, с каменным выражением лица. Какие-то стебли выскальзывали из охапки. Два цветка упали на тротуар, но Таня не смогла поднять их, потому что в руках у нее был еще чемоданчик, где лежали туфли и хитон.

Таня думала, что запомнит каждый шаг на пути к Полине Сергеевне. Но забота о букете поглотила все ее внимание, и она не заметила, как очутилась перед дверью.
Очень долго не открывали. Наконец послышались легкие шаги. Звякнула цепочка, загремел засов, щелкнул ключ, дверь открылась.
Таня вошла в черноту передней, ослепленная блеском солнечного дня. От букета в комнате сделалось тесно. Началась немая возня с цветами, и Таня была рада этому: отпадала необходимость слов.
Глаза Тани прозревали, и теперь она могла разглядеть великую балерину. Полина Сергеевна была в халате и в балетных туфлях. Лицо ее было сильно загримировано.
— Ну-ка, повернись! — сказала великая балерина.
Таня повернулась.
— Юбка косо! Растрепа! Стыдись... Прима!
Таня застеснялась.
— Ладно, проходи вперед!
Они прошли в комнаты.
То была старинная московская квартира. Ковры глушили шаги. Картины в золоченых рамах, бронзовые люстры затянуты марлей.
Старая балерина усадила Таню на низенький диван.
— Наше дело недолговечно, — говорила Полина Сергеевна, расставляя цветы в вазы. — Отплясала — и из памяти вон... И сама не повторишь, и никто повторить не сумеет... Так и катится все в крематорий... А останется?.. Остается только это...
Она подошла к шкафу. Выпуклые красные дверцы как бы ломились под натиском содержимого.
Полина Сергеевна отворила шкаф, и с шуршанием поползли на пол тяжелые альбомы с серебряными крышками, какие-то ленты, венки...
Таня подняла самый толстый альбом. Он раскрылся на портрете Шаляпина с неразборчивой длинной надписью. По соседству была пожелтевшая летняя фотография. В пенсне и узеньких брюках трубочкой стоял на лужайке рядом с Полиной Сергеевной великий русский писатель.
— Брось... Пустое... — сказала старая балерина. Ее занимала все та же мысль. — Остается вот что...
В ее сухонькой руке развернулись веером фотокарточки, наклеенные на толстый глянцевитый картон. Это были фигуры ее танца, схваченные объективом моментально навек. Таня сразу узнала знаменитую упругую линию ее арабеска.
Но при взгляде на карточки оставалось какое-то обидное впечатление, словно где-то рядом с прекрасным уживается шарж.
Таня поняла: исчезло движение — душа танца. Движение и прелесть его исчезли, и осталась только причина движения — вздутые мышцы, бросающие тело в полет. То была коллекция окаменелостей: каменные руки, каменные ноги, каменные вечные улыбки.
Полина Сергеевна бросила карточки на стол.
— Так и катится все в крематорий... Дымок — и все...
Она стала ворчать на молодежь: зазнаются, не учатся, не хотят учиться. И вот итог: есть талант, есть форма, а лебедь не получился — белый слон, а не лебедь...
Таня сидела молча, изображая на лице своем жадное желание учиться. Она даже взяла на колени чемоданчик, открыла крышку, вынула туфли с тупыми носами.
— Приведи себя в рабочий вид, — наконец сказала старая балерина.
Пока Таня переодевалась, обвивала ноги лентами туфелек, Полина Сергеевна внимательно ее рассматривала, прижимая лорнет к дальнозорким глазам.
Она отметила для себя, что у Тани красивые руки: плавная, певучая линия сбегала от плеча к запястью. Пожалуй, Тане не нужны кружева, скрывающие досадную худобу предплечий, кружева, от которых сама Полина Сергеевна всю жизнь не могла отказаться. Еще она отметила, что ноги Тани чуть-чуть тяжелы.
Они вошли в знаменитый зал с четырьмя зеркалами от пола до потолка.
Великая балерина стала развязывать халат. Таня в страхе взглянула на ее сморщенное личико и

в смущении отвела глаза в сторону.
Старуха твердо стала на полупальцы и отбежала назад легкой, бисерной переступью.
— Следи за мной, — просипела она, тяжело переводя дыхание. — Когда в том адажио... в том адажио!.. Ям-па-па — та-та-та — там-та-там... Когда в том адажио он отпускает тебя, ты — вот так...
И она стала делать движение неожиданное и необыкновенно изящное.
У Татьяны загорелись глаза, но старуха оборвала движение.
— Ям-па-па... — запела она сердито, повторила па и снова его оборвала.
— Ты видишь, я уже не могу... Но это лебедь!.. Понимаешь, в чем зарыта собака?
— Понимаю, Полина Сергеевна! — покорно сказала Таня.
— Повтори...
Великая балерина села в кресло, завернувшись в халат. Она снова запела мотив низким и хриплым голосом, удивительным в маленькой женщине, очень точно и музыкально.
Таня стояла перед ней неуклюжая, как новобранец. Стыд сковал ее тело. Через силу вскинула она стопудовую ногу. И сейчас же все вылетело из ее головы.

— Ага, не можешь, не можешь!..— усмехнулась великая балерина. — Не горюй, никто не может. Одна я могла в двадцать лет...

— Еще попробую, Полина Сергеевна, — сказала Таня серьезно.

Усилием памяти она восстанавливала последовательность фигур.

— Ну, пробуй, пробуй, пробуй... — машинально и насмешливо повторяла великая балерина, напевая тот же мотив.

Таня осмотрелась вокруг.

Старуха напевала, глядя в сторону, отстукивая такт лорнетом, погрузившись в воспоминания.

Четыре девушки в белых хитонах, смущенные и неловкие, отражались в четырех зеркалах. Вид их подзадорил Таню. Она подумала, что смогла бы стать ловчее их всех.

Она тщательно повторила па, зорко следя за девушками, и заметила с удовольствием, что и девушки подтянулись.

Таня стала заниматься ими всерьез.

Та, что стояла к Тане лицом, неудачно разворачивала ступню, а другая, что стояла сбоку, забывала следить за корпусом. Таня строго поправила их обеих.

И опять подумала о том, что смогла бы стать ловчее их всех.

Зорко наблюдая за девушками — и за теми, что стояли впереди и рядом с ней, и за той, что стояла к ней спиною, — Таня стала понимать, что мешает им выполнить фигуру. И она подсказала им смелое решение.

— Так, Полина Сергеевна? — спросила она изменившимся от волнения голосом.

Но старуха глядела сквозь нее невидящими глазами, машинально напевая мотив, погрузившись в воспоминания.

Таня снова сделала па. И его уверенно повторили подруги из зазеркалья.

До нее дошла идея образа. Нежно мечутся сломленные руки-крылья и ладонями жадно загребают воздух. Душно, не хватает дыхания... Как, должно быть, красива эта хрупкая подбитая птица, одиноко распростертая на громадном просторе сцены!

Тогда Таня сделала то, что всегда позволяла себе в хорошо разученном движении: позабыла на время о руках, и ногах, и о шее, и о корпусе, о строгости линий, — и проделала па, как велел ей музыкальный мотив, тихо уступая его влекущей силе. Вместе с музыкой в ее тело вошло вдохновение.

— Так? — спросила она отрывисто и дерзко.

Наконец великая балерина заметила Таню: стая белых лебедей грустно умирала в зеркалах.

— Золото мое... — сказала Полина Сергеевна.

Таня подошла к ней, тяжело дыша, жилки вздулись на висках, на носу блестели капельки пота.

«Как еще много надо!» — думала Таня.

Она вспомнила движение Полины Сергеевны, восстановила его во всем минувшем блеске, и собственное тело показалось Тане тяжелым, а страдание неискренним.

Но великая балерина смотрела на нее благодарным взглядом. Молодость проносилась перед ее глазами в громе и славе.

Она взяла Таню за руку, потащила за собой через анфиладу комнат. Они очутились в маленькой спальне.

Великая балерина открыла шкаф, порылась в глубине, и из шкафа повлеклось за ее рукой большое облако дыма.

— Вот тебе пачка — индийский муслин. Тут двенадцать слоев, и сквозь них видно руку.

— Откуда такая? — спросила Таня.

— Так... подарок шаха персидского...

Облако поплыло через комнату и коснулось Таниной руки.

— Держи от старухи на память...

Глаза ее потускнели. Она снова погружалась в воспоминания.

Тане страшно захотелось задержаться в спаленке, расспросить Полину Сергеевну о Шаляпине, о шахе персидском, о великих писателях, фотографии которых желтели в альбомах.

Но время ее кончалось. У нее всегда кончалось время, когда что-то интересное возникало впереди.

— Сегодня спектакль... Извините,— сказала Таня.— Большое спасибо, Полина Сергеевна!

Она быстро переоделась. Свой хитон и туфли вложила в чемодан, а подаренную пачку бережно перекинула через локоть, прижав к груди.

Они прошли в переднюю. Таня мысленно повторяла новую фигуру, воображая, как завтра на уроке покажет ее репетитору.

На пороге великая балерина подержала Таню за локоток. Затем она затворила дверь, повернула ключ, задвинула засов, поглядела в окно. Девочка с рыжими косичками перебегала дорогу, прижимая к груди большую белую птицу.

Полина Сергеевна медленно прошла по комнате, вышла в зал с четырьмя зеркалами. В зеркалах еще жил лебединый образ — ее лебедь, воскрешенный Татьяной Ильиной.

Только теперь Полина Сергеевна поняла, что ее лебедь у Тани не получился.

И не потому, что она не осилила технику, геометрию фигур. В этой части дело обстояло благополучно. Но была тут какая-то неловкость принуждения. Будто Таня сломила себя, но до конца не покорилась. Будто тело Тани вопреки ей самой возмущалось, и протестовало, и пыталось разрушить строгие рамки образа.

Самое странное заключалось в том, что Полина Сергеевна не только не могла обвинить в этом Таню, но сама как будто чувствовала законность протеста.

Тем не менее это был проверенный, вошедший в историю образ, известнейшие критики восхищались им, поэты воспевали его в стихах, о нем были написаны целые сочинения.

В сомнении подошла Полина Сергеевна к шкафу, где стояли в небрежении посвященные ей книги, к которым она не прикасалась много лет. Она вытащила запыленный том в парчовом переплете, отпечатанный крупным шрифтом на толстой бумаге.

Виньетки в знаменитом когда-то стиле модерн задержали ее внимание. Змеились длинные стебли каких-то подводных растений, плавучие листья и цветы кувшинок сплетались в черно-белый узор. То была эстетика стоячей воды, эстетика болота.

«Только страдание рождает искусство» эпиграфом стояло на заглавном листе. Полина Сергеевна улыбнулась. «Вечная женственность», «сладость греха», «сладострастные объятия смерти» — пепел умерших слов был рассыпан на страницах. В каждом абзаце воспевалось бессилие. Какое-то гнусное подмигивание чувствовалось в каждой строке.

— Неужели это обо мне? — ужаснулась Полина Сергеевна и покраснела.

Она попыталась припомнить лица авторов этих книг, их заказчиков, их издателей и торговцев. И сейчас же замелькали перед нею живые и бесстыжие глазки любителей закуски. Розовые щеки, белые салфетки, заткнутые за воротник. Но отчетливее всего припомнились усы и бороды, пики-усики и усы-метелки, бороды прямые и раздвоенные, пущенные по обеим сторонам груди.

Трудно было даже представить себе, что сегодня на улице можно встретить похожее лицо.

«Боже мой, как изменились люди!» — подумала Полина Сергеевна. Стали строже, благороднее, взыскательнее вкусы. И она, старая отшельница, поумнела за этот срок!

А книги? Книги — они поумнеть не могут.

Снова вспомнилась ей усатая, бородатая орава: негоцианты и декаденты, кавалергарды и мистики, меценаты и балетоманы. Как они мешали ей и ее товарищам по искусству! Сколько перепортили крови! Они ахали при каждом трагическом жесте, воротили бороды прочь при любом ее жизнерадостном движении. Она рвалась к свету, а ее загоняли в сумрак кладбища, она шла навстречу подвигу, а ее заталкивали в гарем.

Она с ужасом поняла, что не может измерить ущерб, нанесенный ей этой разношерстной оравой. Все прошедшее стало под сомнение, все напрашивалось на пересмотр.

Уж не слишком ли печален твой старый лебедь? Уж не слишком ли скорбны лица женщин твоих времен? И не ты ли восстала первой против этих хилых, гаремных рук в европейском ветхом балете? И не ты ли внесла на сцену мира распростертые сильные руки, словно крылья Ники Самофракийской, крылья победы?

Как неистовствовали, как бесились бородачи! И она со свежей досадой вспомнила самую обидную рецензию. «Кавалерист-девица» называлась эта статья.

Все равно ты одолела. Твои руки торжествуют ныне на сцене. Так на что же ты жалуешься, старая ворчунья? Ты скрипишь, что молодежь проходит мимо. А она ведь все заметила, все усвоила, все взяла!

Большое искусство нельзя передать из рук в руки, как дарят пачку. Оно приходит к художнику как дар народа. И если искусство твое — большое искусство, то оно осталось жить в народе, и народ вольет его в молодых. Но войдет с ним и все, чем живет народ. Войдет время, события, эпоха. Другое время — другие танцы! Куда же ты лезешь со своими рецептами, старая знахарка?

Сломанные птичьи черты меркли в зеркалах, и вплывал величаво в залу со сцены театра Танин лебедь, и плечи белели, как бурун, и катились вдоль рук тяжелые белые волны. То был настоящий лебедь, сильная птица. Про нее говорят, что она крылом убивает человека.

Расправляло крылья молодое, незнакомое, свободное племя, и любовь побеждала смерть.

Уже темнело. Синие сумерки густели в глубине зеркал, и цветы на столе начинали изменять свои цвета.

Полина Сергеевна встрепенулась: нужно тут же Тане позвонить, объяснить ей все, посоветовать жить, как живет, танцевать, как танцует, и велеть никого не слушать.

Но звонить было решительно некому.

Пробил тот торжественный час, когда меркнут люстры в золотом многоярусном зале. Рампа горит под занавесом, как полоска зари под немым вечерним небом. Затихает топот шагов и мычание и блеяние инструментов. Воцаряется сельская тишина, будто только что прогнали стадо.

И уже запевает гобой свою песню о том, что летят большие белые птицы, пролетает лето, приходит любовь. Поет гобой, как боевой рожок, и вздрагивают старые балетные кони. Где они, длинноногие принцы, белорукие павы, черномазые сатрапы — твои сверстники, друзья твои?

Но взвивается занавес, и, как прежде, стоят в гирляндах сонные лебеди. Идут дни, годы, десятилетия, гремят и проходят бури, но неистребима лебединая стая. Падает лебедь, и его заменяет другой, как бойца в боевой шеренге. И все выше поднимает крылья к солнцу неумирающий лебедь русского искусства.

Интервью «Огонька»

Новые жилые дома на Ярославском шоссе.

Фото А. Гостева.

За тех, кто справит новоселье...

И. И. ЛОВЕЙКО,
главный архитектор Москвы

Итоги годичной работы московских строителей выражаются семизначной цифрой: 1 360 000 квадратных метров жилой площади. Сделан заметный шаг по пути улучшения жизненных условий трудящихся.

Много и упорно строят москвичи. Пожалуй, не найдется квартала, где не поднимались бы стрелы башенных кранов. И все же нехватка жилья ощущается остро.

Пятилетка предусматривала ввод в эксплуатацию 9 миллионов квадратных метров жилья в Москве. В 1960 году предполагалось сдать 2 200 тысяч квадратных метров. Но и эти небывалые в истории современного градостроительства масштабы не могут удовлетворить столицу. Партия и правительство требуют сжать сроки, необходимые для ликвидации жилищной нужды. В результате совместных усилий московских организаций изыскиваются дополнительные возможности.

Не 9, а 12 миллионов квадратных метров — таков новый пятилетний план массового жилищного строительства в столице. Разница в 3 миллиона! Надо учесть, что за всю предыдущую пятилетку введено в строй 4 с лишним миллиона квадратных метров. Характерная деталь: уже в наступившем году строителям надо выполнить почти столько же, сколько ранее намечалось на 1958-й.

Что это означает — 12 миллионов квадратных метров? Средняя жилая площадь пятиэтажного дома составляет 3 тысячи квадратных метров. Значит, в течение шестой пятилетки в Москве вырастет примерно 4 тысячи новых домов. Ими можно было бы застроить с обеих сторон улицу, проложенную, скажем, от Москвы до Калинина.

Значительная часть строительства придется на дома с маллометражными квартирами. Недавно заселен первый такой дом. Из бесед с жильцами выяснилось, что они в общем довольны своими квартирами. Удачная планировка превращает всю без исключения площадь в полезную.

Чтобы успешно реализовать гигантскую программу строительства, надо добиваться максимальной его индустриализации. Дом на конвейере — вот к чему мы стремимся. Среди строящихся домов сборные составляют 65 процентов. Это гораздо больше, чем прежде, но все же недостаточно. В ближайшее время «Главмосстрой» обязан довести процент сборных домов до 70—75. Почти половина всех домов в шестой пятилетке должна быть построена в крупных блоках и панелях. Школы будут возводиться только крупноблочные.

За год, прошедший после опубликования постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР об устранении излишеств в проектировании и строительстве, пересмотрены почти все ранее утвержденные проекты и содержавшиеся в них излишества устранены. При разработке новых проектов особое внимание обращено на экономику. Достоинства дома прежде всего определяются его стоимостью, удобствами внутренней планировки, качеством строительства.

С 1957 года в Москве начнется сооружение домов, где комнаты будут иметь высоту 2,7 метра (вместо трех, как практиковалось до сих пор). За рубежом, в частности в скандинавских странах, эта высота получила широкое распространение и вполне оправдала себя. И у нас она вскоре завоюет все права гражданства. Денег и материальных ресурсов, которые Москва сбережет в результате снижения высоты комнат, хватит, чтобы в 1960 году дополнительно дать жилье общим объемом в 700 тысяч кубических метров.

Уже три четверти всех новых московских домов строится по типовым проектам. Но и до сих пор встречаешься с рецидивами архитектурного украшательства, с «поправками», вносимыми в типовые проекты. Естественно, приходится давать отпор нарушителям государственной дисциплины. Только что закончившиеся всесоюзные конкурсы на лучшие типовые проекты принесли немало интересных и выразительных решений. Следует немедля отобрать и доработать наиболее удачные из них, завершить серию полноценных проектов, по которым и будет вестись все массовое строительство на протяжении ряда лет.

Мы говорили о высоте комнат. А высота типового дома? Доказано, что самыми рациональными для Москвы являются четырех- и пятиэтажные дома без лифта и восьмиэтажные — с лифтом. Здания в 8 этажей можно возводить на главных магистралях и площадях, там, где это вызывается общегородскими интересами.

В Москве до сих пор еще остались малоценные строения, неказистые бараки. Перед Исполкомом Моссовета стоит важнейшая перспективная задача — покончить с этим наследием дооктябрьского прошлого. За годы шестой пятилетки решено снести сотни и сотни домиков, относящихся, по нашей официальной терминологии, к «ветхому и аварийному фонду». Количество переселенных из деревянных домов в хорошие квартиры будет к 1960 году измеряться не одной сотней тысяч человек.

Во многих местах (Марьина роща, Красная Пресня) принят новый метод сноса. Строители приходят на подготовленную в начале улицы площадку, возводят на ней добротный дом. Сюда переезжают обитатели соседних строений, обреченных на слом. Вслед за тем наступает и их черед, расчищается следующая площадка, возникает второй добротный дом. И снова переселение, на этот раз из ближайших ветхих домиков. И так на протяжении всей улицы.

Отличительной чертой пятилетнего плана является концентрация строительства, создание мощных жилых массивов — в Измайлове, Новых Черемушках, Тестовском поселке, Текстильщиках, Черкизове. Но образцом концентрации можно назвать Юго-западный район столицы. Давно ли началось освоение территорий, прилегающих к зданию университета? И вот уже прорезали Юго-запад Ломоносовский и Университетский проспекты, которым может позавидовать любая центральная магистраль. Заселены сотни прекрасных квартир, готовятся к заселению еще сотни.

Юго-запад — неопровержимое свидетельство стирания былой грани между центром и окраинами. Слово «окраина» никак не применимо к Юго-западу, где ежегодно поселяется чуть ли не 100 тысяч жителей. К концу пятилетки Юго-запад будет полностью застроен. Численность его населения приблизится к полумиллиону. Здесь воздвигнут и ряд административных и общественных зданий.

В шестую пятилетку ежедневно будет заселяться от двух до трех жилых домов. Хочется приветствовать тех, кто отпразднует новоселье в новом году.

Победа таджикских хлопкоробов

Хлопкоробы Таджикистана одержали большую трудовую победу: колхозы и совхозы республики заготовили 415 тысяч тонн хлопка-сырца — почти в два с половиной раза больше, чем в довоенном 1940 году. Таджикская ССР награждена орденом Ленина.

На снимке: в колхозе имени Кирова, Канибадамского района, Ленинабадской области, вручают переходящее Красное знамя передовой бригаде.

Фото Л. Раскина.

ПАМЯТНИК В. В. МАЯКОВСКОМУ В КУТАИСИ

В. В. Маяковский в 1902—1906 годах учился в Кутаисской гимназии.

Сейчас в здании бывшей Кутаисской гимназии первая средняя школа имени В. В. Маяковского.

Недавно в сквере у здания школы состоялось торжественное открытие памятника В. В. Маяковскому. Здесь собрались учащиеся, студенты и трудящиеся города. Школьница Н. Квеидзе прочитала «Стихи о советском паспорте».

Памятник отлит по эскизу В. Мизандари и Г. Николадзе.

В. ЛАЛИАШВИЛИ

Фото Д. Какителашвили.

Ставропольский газ поступил в Москву

Газовый факел.

Фото М. Савина.

24 декабря у совхоза «Коммунарка» под Москвой взметнулось в небо высокое пламя газовой свечи. Ставропольский газ, совершив путь от селения Изобильного, Ставропольского края, до Москвы протяженностью 1 300 километров, поступил в столицу. Строители сдержали свое слово, сократив срок сооружения первой очереди на один год.

Первая «нитка» газопровода Ставрополь — Москва без компрессорной станции обеспечит подачу 3 — 4 миллионов кубометров газа в сутки. Когда газопровод начнет работать на полную мощность, он будет подавать в 20 раз больше топлива, чем магистраль Саратов — Москва.

Пусть будет...

С. МАРШАК

Пусть будет новым каждый день —
Не только год грядущий —
Для городов и деревень
Страны, вперед идущей.

Пусть будет новым целый год —
Не только день в начале —
Для тех, что полночи приход
С надеждою встречали.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

На следующий день после прилета Ива Монтана и Симоны Синьоре в Москву мы встретились с нашими французскими друзьями. Просим Симону Синьоре рассказать о ее искусстве.

— Сначала я играла роли без слов. Я двигалась, смеялась, грустила — и все без слов. Я была «человеком в толпе». Просто-напросто. В 1945 году я сыграла свою первую настоящую роль. Сейчас мне кажется, что это была удача...

Синьоре задумалась. Прошлась по комнате.

— А в скольких фильмах вы снимались?

— Во многих,— улыбается Симона.— Даже забыла. Давайте считать вместе: 16 картин! Я снималась часто, но потом решила делать только одну роль в год. Ведь для того, чтобы хорошо сыграть, надо понять своего героя, сжиться с ним.

— Каковы ваши планы в новом году?

— Планов много. Но у нас поверье: нельзя рассказывать о том, что задумано. Иначе не сбудется... «Огоньку» я скажу по секрету: будущий год я посвящу кино.

В это время в соседней комнате кто-то начинает насвистывать песенку «Большие бульвары». Синьоре смеется:

— Это Ив.

Входит Монтан. Высокий, стремительный, в сером джемпере, с пустым мундштуком во рту. Когда он ходит по комнате, большой, улыбающийся, кажется, он занимает всю комнату.

Мы попросили Монтана рассказать нам что-нибудь веселое.

— Я расскажу вам историю о моем первом костюме. Это немножечко смешно и немножечко грустно. Мне тогда было 18 лет. Я начинал петь. У меня был один-единственный костюм, и он мне нравился. Но один друг посоветовал мне обзавестись костюмом настоящим, как у настоящего актера. И вот муж сестры отдал мне свой костюм. Он был толстым, а я худым. В новом одеянии я выглядел так: пиджак до колен, брюки — во,— и Монтан широко развел руки.— Меня, правда, успокаивали: это ж настоящий «американский модерн»! В этом костюме я выглядел немного гордым и очень смешным.

Потом Монтан делится с нами своими планами: после гастролей в Советском Союзе он будет выступать в Варшаве, Берлине, Будапеште, Праге, Бухаресте, Софии.

— Я совсем не политик. Я актер. И для меня главное — это мое искусство. Если мое искусство может помочь делу мира, тому, чтобы люди всех стран жили как друзья,— это высшее счастье.

Для того, чтобы отдавать свой талант людям так, как это делает Монтан, надо было пройти большую и сложную жизнь, увидеть и понять тех, о которых поешь. Монтан и сам пережил многое из того, чем живут его герои. Каждая его песенка — маленькая, филигранная новелла о простом, хорошем, веселом человеке, рабочем человеке Франции.

После концерта мы снова встретились с Ивом за кулисами. Там собрались друзья Монтана: Анри Кролла — мастер игры на гитаре, Боб Кастелла — виртуознейший пианист, и ударник Парабоши. Кастелла смотрит на веселого, возбужденного после концерта Монтана и говорит:

— Знаете, в чем его успех? В трех вещах. В сердце. В солнце. В труде.

Прощаясь с нами, Ив Монтан написал читателям «Огонька» свое пожелание на Новый год. Потом, подумав, улыбнулся и пером нарисовал: «Это я!»

Bonne Année aux Lecteurs de "Огонёк"

Y Montand

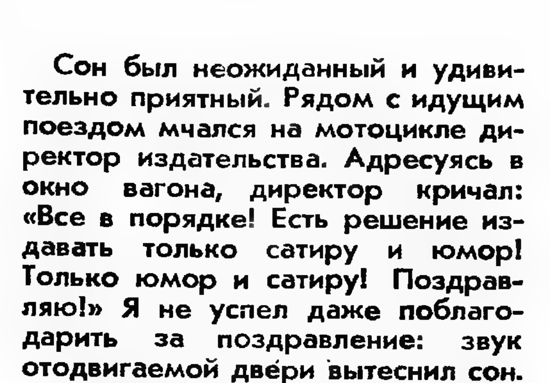

«С Новым годом, читатели «Огонька»!» — пишет Ив Монтан.

«С Новым годом!» — говорим мы нашим французским друзьям.

ЮЛ. СЕМЕНОВ

ПОДХОДЯЩИЙ МОМЕНТ

Борис ЛАСКИН

Рисунки Е. ГОРОХОВА.

Сон был неожиданный и удивительно приятный. Рядом с идущим поездом мчался на мотоцикле директор издательства. Адресуясь в окно вагона, директор кричал: «Все в порядке! Есть решение издавать только сатиру и юмор! Только юмор и сатиру! Поздравляю!» Я не успел даже поблагодарить за поздравление: звук отодвигаемой двери вытеснил сон.

В купе вошел плотный мужчина средних лет в меховой куртке и в ушанке из пыжика.

В надежде продлить волнующую встречу с директором издательства я снова уткнулся в подушку. Увы, сон не возвращался. Прикрывшись одеялом, я посмотрел на своего попутчика, который уже обосновался в купе. Взглянув наверх, он бодро спросил:

— Спите, сосед?

Я не ответил. Многолетний опыт странствий подсказал мне, что на сей раз судьба послала мне общительного попутчика.

Не получив ответа, сосед извлек из объемистого, видавшего виды портфеля батон, вареную курицу, соленые огурцы, бутылку и граненую стопку. Проворно расставив все это на столике, сосед, потирая руки, снова поглядел наверх. В его жесте и в выражении лица читался столь откровенный призыв спуститься и разделить с ним компанию, что я невольно откинул одеяло.

— Доброе утречко,— улыбнулся сосед.

— Здравствуйте.

«Сейчас скажет: «Прошу к нашему шалашу»,— подумал я и тут же услышал:

— Прошу к нашему шалашу!..

— Спасибо. Собственно говоря, я уже...

принимаются. Вот вы говорите, декабрь. А что декабрь? Это у нас самый боевой месяц...

Так как в эту минуту я не говорил вообще и о декабре в частности, я понял, что передо мной человек не просто разговорчивый, а весьма разговорчивый. Приятно порой делить купе с подобного рода людьми.

— Будем знакомы. Тимошин,— представился сосед, деловито доставая из портфеля вторую стопку.— Вы спрашиваете, почему декабрь — боевой месяц?..

Я, правда, не успел его еще об этом спросить, но из вежливости кивнул. «На сей раз мне придется довольствоваться скромной ролью слушателя»,— подумал я, присаживаясь к столику.

— Прежде чем ответить на ваш вопрос, предлагаю согреться чайком.

Тимошин нажал кнопку звонка и тут же нетерпеливо высунул голову в коридор.

— Ни ответа, ни привета. Не знаю, как ученые, а железнодорожники решили проблему полупроводников: один проводник на два вагона.

Улыбнувшись собственной шутке (он, видимо, и реакцию аудитории брал на себя), Тимошин ловко открыл бутылку и наполнил стопки.

— Как вы думаете, кем я работаю?.. Ладно, не трудитесь, я сам скажу. Перед вами представитель, можно сказать, вымирающей профессии. Толкач я. Теперь поняли, почему для меня декабрь — самый горячий месяц? Конец года. Снабжение, план, то, се, пятое, десятое... Вы, небось, о чем сейчас думаете: с кем Новый год встречать, в какой компании? Верно?.. А у меня забот полон рот. Будем здоровы...

Чокнувшись, он выпил, крякнул и, оторвав крылышко курицы, принялся быстро жевать.

— Я не знаю, где вы работаете, какая у вас должность, это — ваше личное дело. Я о себе скажу. Я считаю, что к нашей профессии у людей очень однобокий подход. Чересчур нашим братом сатирики интересуются. Хлебом их не корми — дай им про нас в газете фельетон тиснуть...

В дверях появилась проводница.

— Вы звонили?

— Через полчасика прошу,— отстраняюще поднял руку Тимошин.— Вот, например, взять писателя,— увлеченно продолжал он.— Что писателю требуется? Пожалуйста, я вам отвечу на ваш вопрос. Писателю требуется знать человеческую психологию. Ясно? Если он этого хозяйства не знает, грош ему цена. То же самое и у нас, между прочим. Главное в на-

Вот я приведу пример. Нужно, скажем, вам обеспечить срочную отгрузку кровельного железа. Приезжаете вы на место, являетесь к начальству, и прежде всего что? Налаживаете хорошие отношения. С кем? С секретарем. В таких случаях исключительно действуют личное обаяние, веселые случаи из жизни, то, се, пятое, десятое... К концу дня вы полностью в курсе дела: в какое время лучше идти на прием — с утра, когда начальник свежий, или, наоборот, к вечеру, когда у него сопротивляемость ослаблена; что начальник любит, чего терпеть не может, и так далее, и тому подобное... И вот, когда вы человека полностью изучили, можете приступать.

Тимошин наполнил стопку, торопливо, как докладчик на трибуне, отпил глоток и продолжал:

— Конечно, бывают и ошибки. Без этого, к сожалению, не обойтись. Вот выезжал я как-то в область, с лесом была задержка. Являюсь в трест и узнаю, что управляющий товарищ Сидоренко по выходным в однодневном доме отдыха бывает. Это, значит, первое звено. Второе звено — Сидоренко бильярд обожает. Что я делаю? Добываю путевку. Приезжаю, сразу — куда? Совершенно верно, в бильярдную. Прошу показать мне Сидоренко. Знакомимся. Слово за слово, то, се, пятое, десятое. О деле, конечно, ни звука. Предлагаю сгонять пирамидку. Проигрываю одну, другую, накатываю шары, как могу. Он шар в лузу, а я вслух восторгаюсь. Кончили играть, вышли мы, и вдруг он заявляет: «Или вы слабо играете или здорово подставляете шары. Скорее, я думаю, второе».

Тимошин достал пачку «Беломора» и закурил.

— Как говорится, раскусил он меня. Но ничего, все обошлось. Оказалось, это совсем другой Сидоренко — не из треста, а из облисполкома, заведующий столовой...

Рассказчик виновато помотал головой.

— Бывают же такие оказии! Что же вы не пьете?.. А еще я вам скажу, в нашем деле спорт — большая сила. Если нужный вам человек — болельщик, все! Из него можно веревки вить. Узнал, за кого болеет, садись рядом и хвали его игроков. В первом тайме разогреешь человека, а после перерыва действуй!.. Лучше всего сразу после гола. Тут уж человек не в себе — кричит, хлопает. В такой подходящий момент все можешь получить: и фонды, и лимиты, и наряд на отгрузку. Футбол — исключительно полезная игра для народного хозяйства...

Тимошин на мгновение умолк и, взглянув на снежные холмы, пробегающие за окном, озабоченно заметил:

— Жаль, что у нас в районе на сегодняшний день хоккей с шайбой мало развит. Зимой нам трудней приходится.

Я сочувственно улыбнулся.

Разделавшись с курицей, Тимошин вытер руки обрывком газеты.

— Вот вы улыбаетесь. А это знаете, почему? Пожалуйста, я отвечу на ваш вопрос. Это потому, что вы все же до конца не осознали, какая у меня профессия трудная.

Тимошин потянулся за портфелем и, достав из него вчетверо сложенный листок бумаги, нежал:

— Вот домой еду с победой. Провел вчера последнюю операцию одна тысяча девятьсот пятьдесят шестого года. Требовалось, знаете ли, вырвать у начальства положительную резолюцию в отношении нашей конторы. Кому ехать? Тимошину. Прибыл на место, произвел соответствующую подготовку. В первый день на прием не попал: совещание было. Я зашел к секретарше, произвел на нее соответствующее впечатление. Поднес коробку конфет «Южный орех». Она, конечно, отказывалась, но я говорю: «Это не от меня, это от Деда Мороза». В общем, то, се, пятое, десятое. Она говорит: «Вы лучше зайдите завтра после двух». Я говорю: «Есть такое дело, слушаюсь!..» Прихожу на следующий день и, можете себе представить, узнаю, что управляющий выехал. Где он? В родильном доме. Да-да, жену туда отвез.

Что делать? Конец месяца. Конец года. Эх, думаю, была не была! Еду в родильный дом. Вхожу в комнату для посетителей, там, конечно, народу полно. На доске показатели вывешены — у кого, значит, кто родился и какой вес. Оглядываюсь, вижу — управляющий. Стоит, сияет, радуется, только что не пляшет. Вокруг него такие же отцы, ну, и, конечно, разговор соответствующий: «У вас кто?» «Сын. А у вас?» «Дочь». «У вас какой вес?» «Три триста. А у вас?» «Четыре двести».

Улучил я подходящий момент, подхожу. «Разрешите,— говорю,— вас от души поздравить, товарищ Игнатьев, с прибавлением семейства!..» А он говорит: «Спасибо. Большое спасибо!..» И, поверите, даже обнял меня. Ну, я, конечно, полюбопытствовал, кто именно родился. Он говорит: «Дочка, доченька, Катюша». Я говорю: «Замечательное имя!..»

Ну, мы так поболтали, то, се, пятое, десятое, потом я ему говорю: «Извините, что тревожу вас в таком отвлеченном месте, но сами понимаете, конец года. Вот письмо. Требуется только ваше согласие». Он говорит: «Что?.. Да... Конечно...»

Пробежал глазами письмо. Не очень он его внимательно читал, прямо скажу. Но это, между нами, даже неплохо, потому что, если бы была другая ситуация, он бы скорей всего еще подумал, стоит ли это дело разрешать. Но тут уж такая радость, сами понимаете. В общем, взял и в один момент прямо на подоконнике моим красным карандашом написал: «Согласен».

Тимошин усмехнулся.

— Как видите, не зря хлеб жуем, а? — гордо произнес он и протянул мне драгоценный документ.

— Здорово это вы! — сказал я и осекся на полуфразе.

мошин понял: произошло что-то неладное.

— Что такое? — Он взял, почти вырвал у меня бумагу.— Что вы здесь увидели, а?..

— Подпись,— тихо сказал я,— посмотрите подпись.

Тимошин вскочил и тут же безмолвно опустился на диван.

В левом углу документа красовалась четкая резолюция: «Согласен».

Ниже стояла подпись: «Катюша».

ВАНЯ СЕМЕНОВ МЕЧТАЕТ:
«КОГДА Я БУДУ БОЛЬШИМ...

1
...на свой рост найду себе костюм и ботинки,

3
...буду кататься на коньках на стадионе Юных пионеров,

2
...я смогу ездить в детском вагоне,

4
...и вообще у меня, как и у моего папы-писателя, будет много свободного времени, и меня никто ничего не будет заставлять делать».

РИСУНКИ ЖЕНИ ВЕДЕРНИКОВА ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ

...раньше крестьяне жили бедно и пахали землю сохой.

...на перекрестке стоял фараон с селедкой.

Папу прокатили на выборах в местком.

Рисунок Юли ЛИСОГОРСКОЙ.

КАК МАЛЕНЬКИЙ БОРЯ ЕФИМОВ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕБЕ ТО, О ЧЕМ ГОВОРЯТ ВЗРОСЛЫЕ:

Дядя Федя на докладах собаку съел.

Однако на последнем собрании он пытался смазать один важный вопрос.

Его обвинили в том, что, переходя на новую работу, он притащил за собой хвост.

Но потом просто хорошенько намылили шею.

Дядя Федя был этим так доволен, что пришел домой под здоровой мухой.

«СЮРРЕАЛИСТ». Рис. Гр. Оганова (Баку).

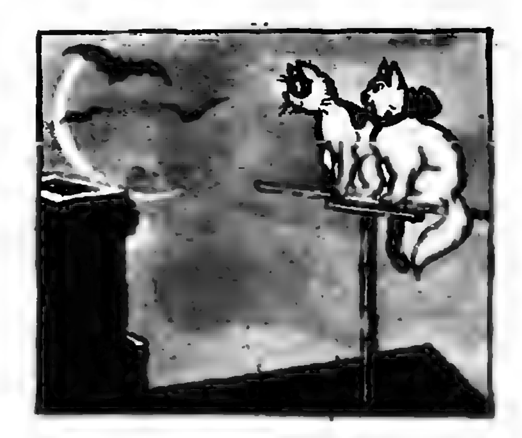
В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

— Вижу, что вы ждали не меня!

Рисунки В. Соловьева.

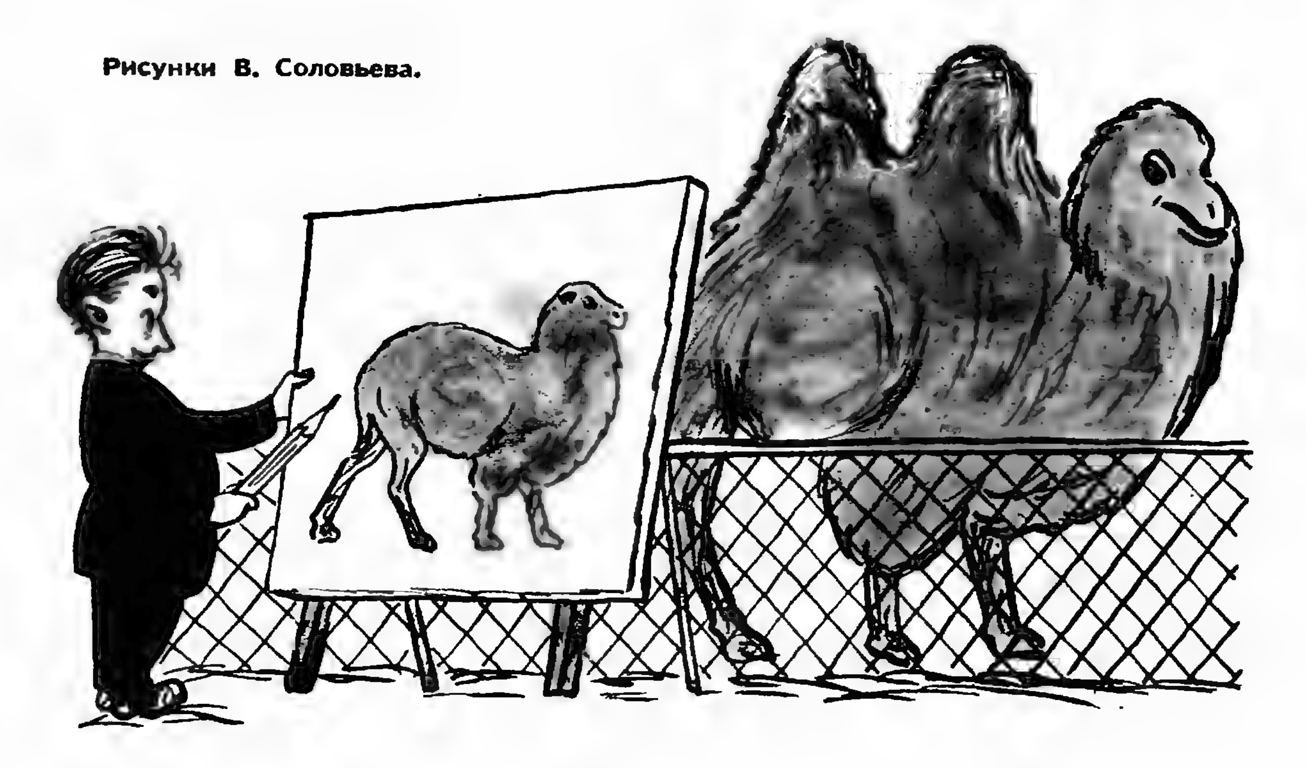

— Приходи сегодня на телевизор смотреть летучую мышь.

. . . .

Изошутка Л. Самойлова (Рига).

ЛАКИРОВЩИК ЗА РАБОТОЙ.

Приглашения приехать на елку в «Огонек» (с рукописями и рисунками) мастерам и мастеровым цеха сатиры и юмора были разосланы редакцией по почте. А что, если проведать некоторых из них — художников, писателей, актеров — и узнать, приедет или нет? А если нет, то почему? А заодно и сфотографировать каждого за каким-нибудь важным и полезным занятием... Только вот как потом разместить фотографии? Потому что еще совсем недавно кое-кто не на шутку обижался: дескать, мой портрет поместили ниже Иван-Иваныча, хотя я в сто раз заслуженнее и в десять раз народнее... Нет! У нас таких предрассудков быть не может! Но все-таки первое место уступим тому, кто с детьми.

Репортаж Варвары КАРБОВСКОЙ

Фото Я. РЮМКИНА.

Многодетный редактор

Как много детишек у художника Ивана Максимовича Семенова!

— Еще не все тут, у меня их около миллиона,— скромно говорит Семенов.— И я перед ними, как водится, в долгу... С тех пор, как редактирую детский журнал «Веселые картинки», я стал серьезным человеком.

— Понятно. Вам хочется угодить маленьким читателям. А может быть, еще и тому педагогическому дяде или тете, которым вдруг да покажется, что нарисованная в журнале коза излишне легкомысленна!

Манная каша

У народного артиста СССР Жарова детишек поменьше, а настроение получше.

— Это ваша новая роль, Михаил Иванович?

— Это я в жизни. Кормлю дочек манной кашей. Беру пример с некоторых сценаристов и кинорежиссеров, которые считают, что манная каша со сладким сиропом — лучшее блюдо для зрителей.

— Приятного аппетита, детки!— говорим мы девочкам Жаровым. Кинозрителям при аналогичных обстоятельствах мы того же не пожелаем.

Его «герои»

— Герои всякие бывают!— говорит художник Константин Павлович Ротов.— Мне, например, не дает покоя отрицательный тип героя. Такие типы тебе и в карман залезут, и на шею сядут, и ножку подставят... Вот я и выставляю их для всеобщего обозрения... в целях профилактики!

«Над чем смеетесь?»

О чем мы спросим у Крокодила? Этот — всего лишь эмблема журнала — литой чугунный крокодил, подаренный редакции рабочими Магнитогорска. С 1932 года стоит он бессменно в редакторском кабинете.

Спросим редактора «Крокодила» Сергея Александровича Швецова:

— Над чем смеетесь?.. Ага, над рукописью! Небось, сами смеетесь, а другим не дадите?

Конечно, смешно... Смешно даже подумать, что такой развеселый фельетон будет напечатан в сатирическом журнале.

Шутки в сторону

— От вас, Игорь Владимирович, мы хотим увезти в «Огонек» хорошую, веселую шутку.

— «Я сам шутить не люблю и людям не дам»!

Нет, Ильинский не мог сказать такого! Наверно, мы ослышались...

Конечно. «Такое» сказал директор Дома культуры Огурцов, роль которого играет народный артист СССР Ильинский в новой кинокомедии Б. Ласкина и В. Полякова «Карнавальная ночь». Это страшно, когда Огурцовы не дают людям шутить. Но таким Огурцовым не поздоровится, если за них взялись наши сатирики — писатели и артисты.

Фото И. М. Толчана.

Золотая рыбка

Мы были уверены, что прославленный кукольник народный артист СССР Сергей Владимирович Образцов ни днем, ни ночью не расстается со своими куклами: и работает с ними, и ездит по белу свету, и ест с Тяпой из одной тарелки... Оказалось, что народный артист отдыхает от кукол с живыми рыбами, птицами и четвероногими приятелями. Вот видите: вылавливает что-то из аквариума. А вдруг золотая рыбка скажет почти по Пушкину: «Чего тебе надобно...» Но, конечно, не «старче». Наверное, он ей ответит: «Многое мне надобно! Написать новую книгу, поставить вместе с моими товарищами — актерами кукольного театра — новый спектакль, сделать новую кукольную кинокомедию... Но все это мы сделаем без рыбьей помощи».

Своими глазами...

— Нариньяни, Нариньяни, на кого вы нас покидаете?

— Я ненадолго, — отвечает Семен Нариньяни, проверяя содержимое чемодана: зубная щетка, полотенце, пирамидон и самое главное — сигналы. Дело в том, что в редакцию «Правды» пришли письма-сигналы: в городе N резвится, пасется и шкодит на государственной ниве некий прохвост. Писателю хочется поглядеть на него своими глазами, чтоб найти нужные краски для фельетона.

Говорят, что писатель должен много ездить и много видеть...

Тогда в добрый час за новым злым фельетоном!

Комплименты

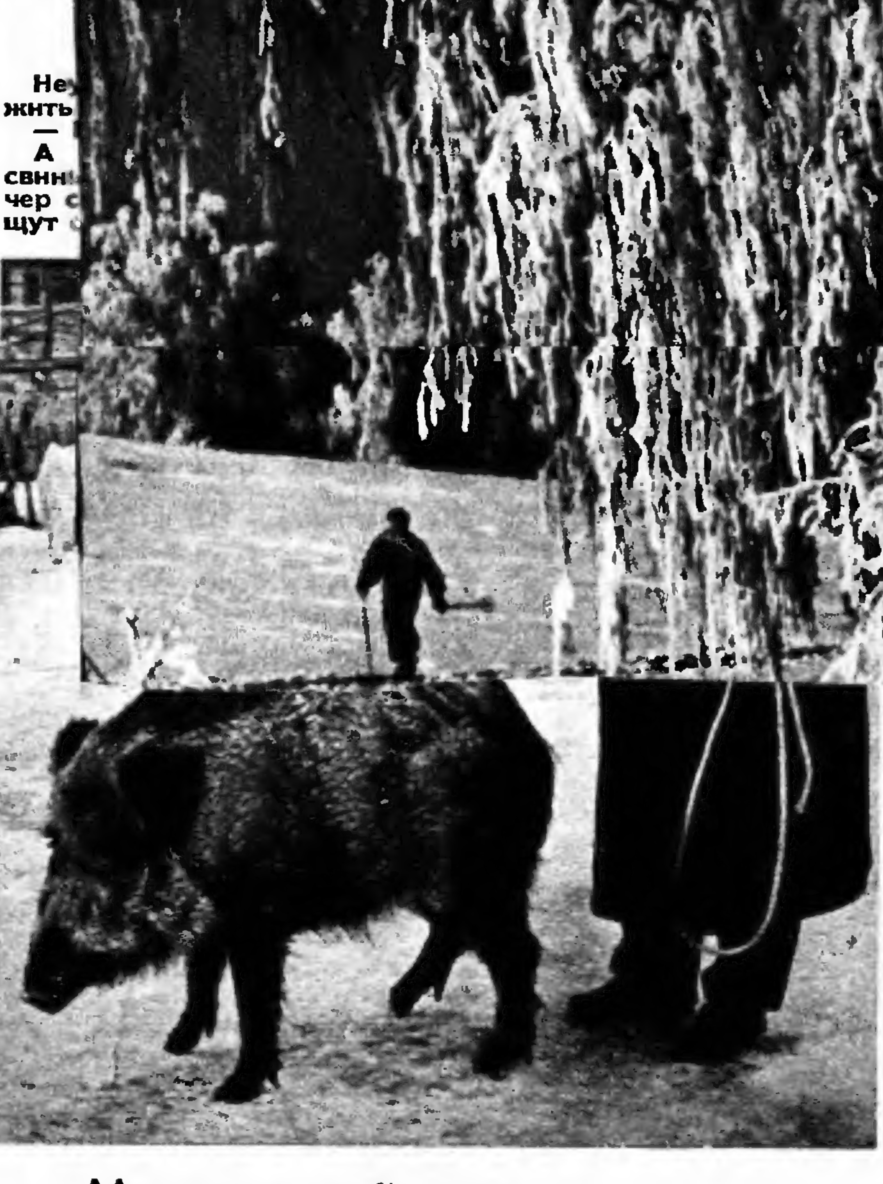
За кулисами в Филиале МХАТа мы застали народную артистку СССР О. Н. Андровскую, она готовилась к выступлению в роли миссис Чивли в спектакле «Идеальный муж».

— Ольга Николаевна, вы великолепны, как всегда!

— Женщину... никогда нельзя обезоружить комплиментом; мужчину — всегда, — ответила миссис Чивли-Андровская точно по роли.

Автор пьесы Оскар Уайльд не дожил до 1956 года. Иначе он не написал бы про своих соотечественников, что их можно разоружить посредством комплиментов...

Не
жить
—
А
свин
чер с
щут

Содружество

в письмах, над которыми писатель Леонид Сергеевич Может быть: «Я к вам пи- чего же боле? Что я могу еще ать?»

К сожалению, этого в сего- ней почте нет. Разве от деву- теперь дождешься, чтоб они сали такое письмо? Зато есть интересное от редактора кого журнала «Кветы». Он пи- что перевел мой рассказ на кий. А я как раз занят пере- ми произведений наших друзей усский.

йствительно, «чего же боле?». но то, что нужно, — творческое ужество писателей братских

Музыкальный момент

...Нет, это не Лемешев и не Святослав Рихтер... Но кто же это так приятно поет под собственный аккомпанемент:

«Готовь нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!»

Вы уже узнали: это поэт Маршак. Достаточно почитать его стихи, чтобы понять: музыка — его стихия.

По пальцам...

А теперь нужно подсчитать, у кого из мастеров сатирического цеха мы побывали, а кого, как говорится, «не охватили».

Фотокорреспондент Я. Рюмкин очень предупредителен:

— Варвара Андреевна, вам для подсчета не понадобится электронная счетная машина?

— Нет, к сожалению. Вот, может быть, в новом году наш цех пополнится молодыми мастерами-новаторами? И они начнут выдавать сатирическую продукцию высокого качества и в неограниченном количестве... И они станут соревноваться с ветеранами, которые, не переставая, будут расти и по возможности молодеть! И тогда, может быть, нашему цеху представят более просторное помещение, а не только последние страницы в журналах? Вот тогда понадобится счетная машина! А пока что спасибо, я подсчитаю сатириков и по пальцам...

Находка в Арктике

Не обладая специальными познаниями в области зоологии, трудно догадаться, что или, вернее, кто находится в руках изображенного на снимке научного сотрудника Зоологического института Академии наук СССР, кандидата биологических наук Д. В. Наумова. Впрочем, не всякий и специалист сразу скажет, что это морское перо — умбеллула. До сих пор не были известны столь гигантские представители этих колониальных кишечно-полостных организмов, принадлежащих к коралловым полипам.

Морское перо, которое вы здесь видите, добыто полярниками дрейфующей станции «Северный полюс-6» и доставлено оттуда на самолете в металлической трубе, наполненной спиртом. Длина пера — 2 метра 60 сантиметров. Оно имеет вид стебля какого-то причудливого растения. Пучок на верхнем его конце представляет собою группу из сорока полипов. Они питаются мелкими водяными животными, которых захватывают щупальцами. Нижний, утолщенный конец стебля бывает обычно погружен в морское дно.

Очень интересно в научном отношении и то, что умбеллула добыта в районе, где их еще не встречали,— к северу от острова Врангеля. До сих пор считалось, что эти организмы распространены много западнее.

О. КАРЫШЕВ

Фото автора.

Ленинград.

ОГОНЁК…

...БОВСКОЙ

Приглашения прие
ками) мастерам и ма
редакцией по почте
художников, писател
нет, то почему? А з
будь важным и пол
стить фотографии?
шутку обижался: де
чева, хотя я в сто
У нас таких предра
уступим тому, кто с

Фото Я. РЮМКИНА.

ЗАЦВЕЛА МОНСТЕРА

У многих любителей комнатного декоративного растениеводства заслуженным вниманием пользуется монстера — растение тропического происхождения, больше известное как филодендрон. У него крупные, причудливо изрезанные листья. В ботанических садах монстера не только регулярно цветет, но и приносит плоды, на вкус напоминающие не то ананас, не то клубнику. В комнатных же условиях это растение почти никогда не цветет. Но вот совсем недавно в городе Днепродзержинске, в техническом училище № 8, монстера неожиданно зацвела, выбросив белое с легким желтоватым оттенком покрывало, а внутри его — бело-серебристое соцветие, по форме своей похожее на початок.

Красивое, редкое зрелище!

А. ЛЫКОВ

Фото автора.

Днепродзержинск.

УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС

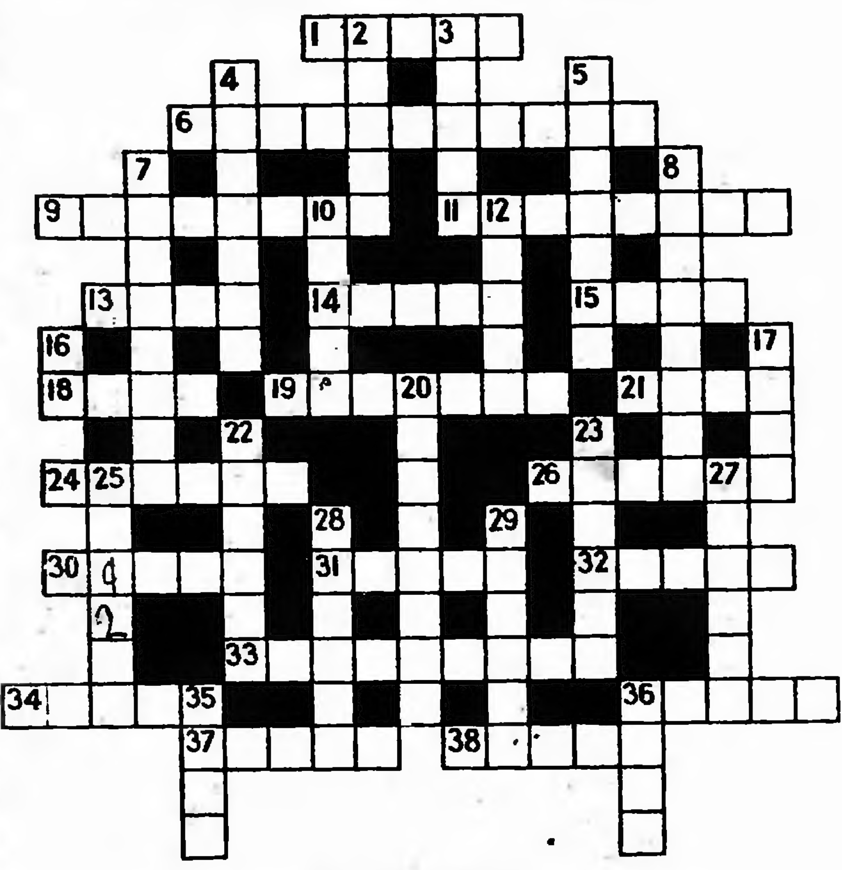
Изошутка Ю. Черепанова.

На вкладках этого номера репродукции картин Ю. Пименова «С Новым годом!» и «Новая Москва», В. Филимонова «Первое выступление» и И. Галицкой «Новоселы».

В номер вложен табель-календарь 1957 года.

ШУТОЧНЫЙ КРОССВОРД

Составили А. Николаев и Б. Федоров.

По горизонтали:

1. Как авторы, сказать не можем твердо, есть ли она в строках сего кроссворда. 6. Она нам не желательна, притом особенно за праздничным столом. 9. Ее встречали часто, без сомнения, вы в людях, в пирогах и в выступлениях. 11. Из-за нее ты не добьешься толку, а в праздник — украшает елку. 13. Поднять его, чего быть может легче? Но для него необходим дар речи. 14. А это что такое, угадай? В народе говорят: в нем с милым рай! 15. Он в градусах обычно измеряется, и градусами часто вызывается. 18. Он, изуродовав до ужаса, смягчает ужас словом «дружеский» 19. Ее умаслить надо, чтоб потом она была за праздничным столом. 21. Всегда «с иголочки» одета, но вовсе не стиляга это. 24. Иным сатирикам уже давно пора его иметь на кончике пера. 26. Она солидней стала. Это значит, что наш народ стал жить теперь богаче. 30. Она нужна, чтобы варить обед, и служит стартом для танцоров много лет. 31. В него без меры подхалимы льют елей, когда справляет их начальство юбилей. 32. Его мы назовем не без патетики трудолюбивым сыном кибернетики. 33. Немало надо приложить стараний, чтобы изгнать ее со всех собраний. 34. На производстве роль его ценна, в литературе — грош ему цена. 36. Надеть ее не забывай, но сам быть ею избегай. 37. На него вопрос поставить рад на заседаньи каждый бюрократ. 38. Она, сама в недавнем прошлом пешка, всех пешек ест. Ее попробуй съешь-ка!

По вертикали:

2. Она знакома многим быть должна: ведь дело движется частенько, как она. 3. На нем одном нам на катке неловко, но «выезжать» на нем у многих есть сноровка. 4. Она, испытанная в полной мере, до преступленья довела Сальери. 5. Хотя по форме и ответ, по существу — ни «да», ни «нет». 7. Его сатира атакует, а он частенько в ус не дует. 8. Как ни странно, до сих пор им знаменит уральский хор. 10. По мненью знатоков примет, она — предвестник всяких бед. 12. О нем мы скажем, что отлично он многим служит мерой личной. 16. В него верблюду не пролезть, но иногда пролезет лесть. 17. Давно известно, что пора там намылить шею бюрократам. 20. Бывает он у критиков сердитых в статьях, но... только о маститых. 22. Ее обычно очень рады вставлять докладчики в доклады. 23. Хотя в ней много треску, много блеску, ей не спасти плохую пьеску. 25. Она зовется часто штурмовщиной и служит брака всякого причиной. 27. Ее частенько нет ни грамма во многих «острых» эпиграммах. 28. О нем сказать мы можем смело: он тот, кого боится дело. 29. Хотя она важна, но, тем не менее, по ней не составляй о людях мнение. 35. От тех его не будет никогда, кто жизнь свою проводит без труда. 36. И, наконец, мы спросим всех: у нас он есть ли на успех?

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 52

По горизонтали:

6. Аккомпаниатор. 9. Титр. 10. Отличие. 11. Дека. 12. Простор. 15. Окарина. 17. Корсика. 18. Синдикат. 19. Нашатырь. 21. Морошка. 23. Дозатор. 24. Абордаж. 25. Циник. 27. Комитас. 28. Гриф. 29. Четверостишие.

По вертикали:

1. Укор. 2. «Городок». 3. Калидаса. 4. Карелка. 5. Фонд. 7. Микробиология. 8. Скандирование. 13. Свадьба. 14. Ротатор. 15. Окраска. 16. Раствор. 20. Корнилов. 21. Морковь. 22. Абрскил. 26. Крем. 28. Григ.

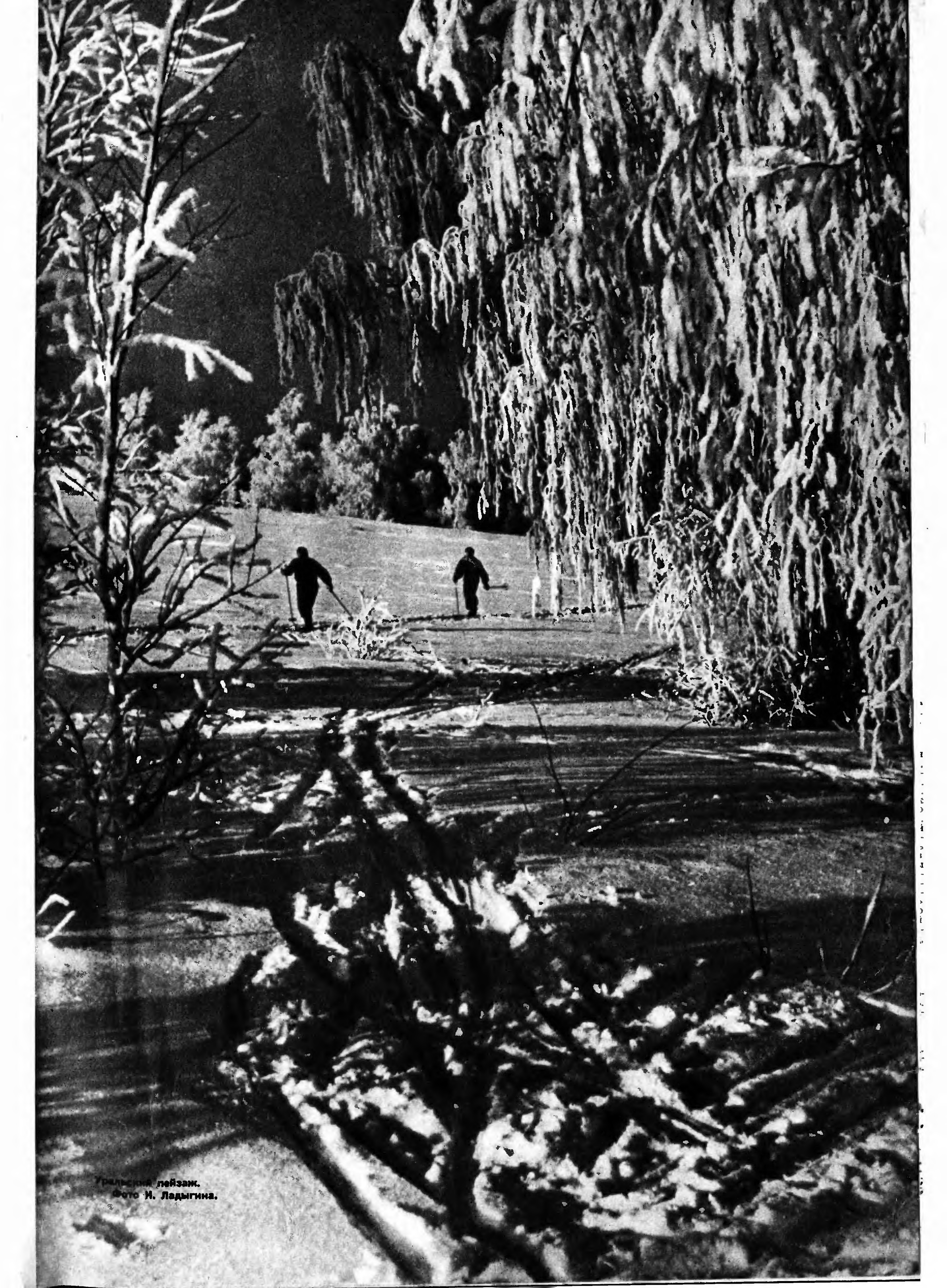
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 12767. Подписано к печати 26/XII 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 993. Заказ № 3374

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Уральский пейзаж.
Фото И. Ладыгина.

Цена номера 3 руб.